12147

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ

ЗНАЧЕНІЕ
РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

Г. А. Евреинова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ

ЗНАЧЕНІЕ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

12147

ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ

ЗНАЧЕНІЕ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

Г. А. Евреинова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

39
Библиотека ИИФ СССР

76795

Дозволено цензурою 16 Января 1898 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—II

I. Служилый классъ до Петра Великаго 1

II. Дворянство послѣ Петра Великаго 15

III. Сословныя привилегіи дворянства 22

IV. Дворянство и чины 51

V. Дворяне и земство 60

VI. О мѣрахъ для удержанія поземельной собственности въ дворянскихъ рукахъ 73

VII. Выводы и заключеніе 92

Предисловіе.

За послѣдніе годы, въ извѣстной части нашего общества настойчиво пропагандируется идея кастовой обособленности сословій и основанныхъ на этомъ сословномъ разобщеніи измѣненій въ нашемъ государственномъ строѣ, съ предоставленіемъ дворянамъ особыхъ политическихъ привилегій и экономическихъ преимуществъ.

Проповѣдники этой политической теоріи ведутъ свою пропаганду подъ знаменемъ русской національной самобытности и зовутъ насъ вернуться вспять съ того пути, на который поставили Россію преобразованія императора Александра II, задуманныя, будто бы, не для удовлетворенія назрѣвшихъ государственныхъ потребностей, а въ подражаніе чуждымъ Россіи порядкамъ государственнаго общежитія, существующимъ въ западной Европѣ.

При этомъ они оставляютъ однако невыясненнымъ, что именно разумѣютъ они подъ русской самобытностью и не указываютъ, какъ далеко въ глубь прошедшихъ вѣковъ должно простираться наше попятное шествіе для обрѣтенія чистыхъ источниковъ русской народной жизни.

Вообще аргументація людей этого направленія отличается крайней неопредѣленностью, основана на доводахъ умозрительныхъ и чисто голословныхъ ссылкахъ на прошлое русскаго государства.

Между тѣмъ значеніе сословности въ Россіи составляетъ въ данномъ случаѣ не предметъ отвлеченныхъ сужденій, а весьма важный и очередной вопросъ нашей практической политики. Требуется поэтому, при его обсужденіи, серьезное отношеніе къ источникамъ русскаго публичнаго права и безпристрастное выясненіе реальныхъ условій современнаго государственнаго и общественнаго строя.

Напомнить прошлое русскаго дворянства и опредѣлить его настоящее значеніе,—составляетъ предметъ настоящаго труда.

I.

Служилый классъ до Петра Великаго.

Названію *дворянинъ* соотвѣтствовало въ болѣе древнее время наименованіе *огнищанинъ* (производное отъ *огонь*, вызывавшее представленіе о домашнемъ очагѣ). Это были люди, принадлежавшіе ко двору, къ дому княжескому; объ нихъ упоминается въ Русской Правдѣ и Новгородской лѣтописи. **Дворянское названіе.**

Между XI и XIII столѣтіями составъ княжеской дружины и обязанности отдѣльныхъ ея членовъ мало по малу спеціализируются, является особый ея разрядъ—служня, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, — и на сѣверѣ онъ начинаетъ носить названіе двора, дворныхъ людей или слугъ, дворянъ. Названіе — дворянинъ — впервые встрѣчается въ Суздальской лѣтописи подъ 1175 г.

Впослѣдствіи (XIII—XV ст.), въ составѣ младшей дружины, дворянамъ принадлежитъ мѣсто послѣ дѣтей боярскихъ. Съ возвышеніемъ значенія великаго князя, служба при его дворѣ получаетъ предпочтеніе сравнительно съ происхожденіемъ и дѣти боярскія становятся низшимъ разрядомъ служилыхъ людей, уступая мѣсто дворянамъ. Въ позднѣйшее время дворяне въ придворный распорядокъ не входятъ. Во всякомъ случаѣ, вплоть до реформы служилаго класса при Петрѣ I, — названіе дворянина было присвоено одному изъ низшихъ чиновъ служебной іерархіи, такъ что бояринъ или окольничій сочли-бы названіе ихъ дворянами за тяжкое для себя оскорбленіе.

Дворъ и дворяне были у патріарховъ, у намѣстниковъ и у бояръ, которые выѣзжали въ походъ со своимъ дворомъ, со своими дворянами.

До преобразованій Петра I для служилаго класса не было общаго именованія—были только царскіе служилые люди разныхъ степеней. Петръ, слѣдуя иноземнымъ образцамъ, собираетъ ихъ въ общественную группу и называетъ ее словомъ — *шляхетство* (заимствованнымъ поляками изъ Германіи Geschlecht, Schlag, schlagen).

Только во второй половинѣ прошлаго столѣтія, преимущественно послѣ манифеста Петра III о дарованіи дворянамъ вольности и свободы (1762 г.), наименованіе шляхетства выходитъ изъ употребленія, а дворянская грамата 1785 г. закрѣпляетъ окончательно за служилымъ и помѣстнымъ классомъ названіе — *дворянства*.

Происхожденіе служилаго класса. Различіе его отъ западной поземельной аристократіи.

Между служилымъ и помѣстнымъ сословіемъ въ Россіи и поземельной аристократіей на западѣ Европы не было никогда ничего общаго; различіе это установилось въ самомъ началѣ русскаго государства.

Германскія дружины, двигаясь съ сѣверо-востока въ западную Европу, находили въ областяхъ римской имперіи мѣста плодородныя и съ прекраснымъ климатомъ. Вторженіе обращалось въ завоеваніе. Отважные люди собирались вокругъ вождя для покоренія страны, для овладѣнія землями. Они дѣлили завоеванныя земли и осѣдали на нихъ. Завоеванныя мѣстности различались по размѣру и достоинству, и болѣе могущественные владѣльцы, въ качествѣ сюзереновъ, раздавали землю другимъ на условномъ, ленномъ правѣ. Владѣльцы свободныхъ земель, не разсчитывая на свои силы, отдавались подъ покровительство болѣе сильнымъ властелинамъ, становясь также ихъ вассалами. Мало по малу лены сдѣлались наслѣдственными.

При непрерывныхъ войнахъ, взаимныхъ нападеніяхъ и разбояхъ, феодальный владѣлецъ, дворянинъ, — становится естественнымъ защитникомъ населенія въ своихъ владѣніяхъ. Онъ ставитъ замокъ, похожій на крѣпость, на пересѣченіи дорогъ или водныхъ путей и это жилище нерѣдко служитъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей въ случаяхъ нападенія. Но феодальное дворянство,—короли, герцоги, графы и простые рыцари,—занимались только войной, охотой и турнирами. Мѣстные обыватели обработываютъ ихъ земли, платятъ имъ самыя разнообразныя

повинности и всецѣло подпадаютъ ихъ власти, которая становится для нѣкоторыхъ рабствомъ и крѣпостной зависимостью для остальныхъ.

Изъ этой массы подчиненнаго населенія выдѣляется сословіе горожанъ. Благодаря развитію промышленности и торговлѣ города богатѣютъ, отстраиваются, ограждаютъ себя отъ нападеній крѣпкими стѣнами. Короли въ стремленіи поднять значеніе своей власти, ищутъ ихъ поддержки и предоставляютъ имъ различныя политическія преимущества. Купцы и ремесленники образуютъ самоуправляющіяся корпораціи. Въ отдѣльныхъ рукахъ накопляются капиталы, въ средѣ городскаго населенія является стремленіе къ образованію, творческій духъ и художественный вкусъ. Въ составъ этого класса населенія входятъ затѣмъ чиновники, судьи, адвокаты, ученые, писатели и между послѣдними такіе, которые обнаруживаютъ могущественное вліяніе на политическій и нравственный кругозоръ современнаго имъ общества. (Вольтеръ, сынъ нотаріуса, Дидеро, сынъ ножевщика, Руссо, сынъ часовыхъ дѣлъ мастера, Даламберъ, пріемышъ стекольщика).

Такимъ образомъ развивается и крѣпнетъ среднее сословіе, а тѣмъ временемъ, съ послѣдовательнымъ усиленіемъ власти королей и другихъ монарховъ, постепенно падаетъ политическое значеніе дворянства, чему въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ также наемныя воинскія дружины и постоянныя войска; наиболѣе видные представители благороднаго сословія покидаютъ замки для двора.

Съ завершеніемъ въ началѣ текущаго столѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной неволи, на всемъ пространствѣ западной Европы исчезли окончательно послѣдніе слѣды сословной неравноправности и сохранились въ нѣкоторыхъ странахъ только такія сословныя отличія, которыя совмѣстимы со всеобщей личной свободой и равенствомъ всѣхъ передъ закономъ.

И такъ на западѣ значеніе дворянства, его прерогативы и обязательства зависѣли исключительно отъ правъ его на землю. Земля и отношеніе къ ней составляютъ самую сущность феодальной системы. Названіе земли опредѣляетъ и фамильное прозвище дворянина (съ частицей „de“ или „von“).

Совсѣмъ иное видимъ мы въ Россіи. Сѣверныя племена славянъ, жившія въ предѣлахъ настоящаго русскаго государства,

вывели себѣ князей изъ-за моря, а съ князьями этими пришла ихъ дружина. Въ эту дружину открытъ былъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ, но преимущественно конечно туземцамъ. Князь призванъ, чтобы установить въ землѣ порядокъ, нарядъ,—а дружина набирается изъ туземцевъ и пришельцевъ не для того, чтобы дѣлить между ними завоеванныя земли, а для того, чтобы *служить* князю.

Князья раздаютъ города мужамъ своимъ, но не по владѣльческому праву, а въ управленіе,—это будутъ впослѣдствіе княжескіе посадники, намѣстники, воеводы.

Земля сама по себѣ не имѣла никакой цѣнности и когда князь съ дружиной покорялъ новыя племена, то дѣлить ихъ между дружинниками не было никакой возможности вслѣдствіе разсѣянія покоренныхъ племенъ на необъятныхъ пространствахъ. Покореніе ограничивалось наложеніемъ дани, которая служила источникомъ *содержанія* дружины.

Со времени призыва варяго-россовъ на княженіе, дружина была вольнымъ, свободнымъ учрежденіемъ; дружинники по произволу возвращались на родину, если были людьми пришлыми, нанимались на службу къ греческому императору.

Вслѣдствіе господства первобытныхъ родовыхъ отношеній въ потомствѣ первыхъ русскихъ князей, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ прочной осѣдлости въ своей волости, а переходилъ изъ одной въ другую, передвигаясь по родовой лѣстницѣ къ старшему столу. Дружина слѣдовала за своимъ княземъ, но дружинники сохраняли право *отъѣзда* отъ одного князя къ другому: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля“.

Въ то время и города, въ которыхъ жили князья, получивъ важное значеніе, обнаруживали стремленіе переходить отъ дурного князя къ лучшему. Вскорѣ послѣ смерти Ярослава кіевляне выгоняютъ князя, который не умѣлъ защитить ихъ отъ половцевъ и берутъ къ себѣ другаго. Явленія эти повторяются, и чаще всего въ Новгородѣ Великомъ. Участь князей раздѣляла и ихъ дружина.

При такомъ непрерывномъ и продолжавшемся нѣсколько вѣковъ движеніи въ поискахъ за добычей и воинскими подвигами, поземельная собственность не могла, понятно, имѣть для служилыхъ людей большого значенія.

Съ другой стороны, вслѣдствіе размноженія княжескаго рода, управленіе значительными волостями и городами переходитъ къ князьямъ-родичамъ. Въ связи съ неосѣдлостью это обстоятельство препятствуетъ членамъ дружины установить связи съ землею, пріобрѣсти первенствующее значеніе въ качествѣ областныхъ правителей, обезпечить за собою наслѣдственность должностей.

Господство родоваго начала въ служиломъ классѣ, какъ главное препятствіе для установленія въ немъ сословной солидарности.

Необезпеченность отъ непрерывныхъ нападеній сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ и усобицы князей, которые пользуются другъ противъ друга услугами этихъ самыхъ хищниковъ, приводитъ юго-западную Русь въ полное разореніе. Это вызвало усиленное выселеніе жителей этихъ мѣстностей въ сѣверо-восточныя русскія волости, въ область верхней Волги, страну съ климатомъ болѣе суровымъ, почвою менѣе плодородною, но гдѣ князья обезпечивали переселенцамъ безопасность, давали имъ разныя льготы и строили имъ города.

Бо̀льшая зависимость пришлаго изъ разныхъ мѣстъ населенія отъ князя, поселеніе на его землѣ и въ его городахъ, въ связи съ другими благопріятными обстоятельствами, содѣйствуютъ усиленію здѣсь княжеской власти. Въ лицѣ Андрея Боголюбскаго является князь, который понимаетъ значеніе власти и собственности. Когда Кіевъ достался ему по родовому праву и праву побѣды, онъ не покидаетъ своей земли, не ѣдетъ на югъ, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Уходя отъ вѣчевыхъ порядковъ, онъ переселяется изъ стараго города Ростова-Великаго въ новый, Владиміръ-на-Клязьмѣ. Преемники Боголюбскаго слѣдуютъ его примѣру: князь, ставшій старшимъ или великимъ, не оставляетъ своей волости, а пользуется своимъ значеніемъ, чтобы увеличить и усилить ее насчетъ другихъ княжествъ. Одно княжество осиливаетъ наконецъ всѣ другія, получается государство Московское и московскій князь становится государемъ всея Руси.

Пока великій князь, постепенно освобождаясь отъ первобытныхъ и стѣснительныхъ условій родовыхъ отношеній, установлялъ свое единовластіе, становился хозяиномъ русской земли, властелиномъ русскаго народа, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ громадное земельное богатство, и, раздавая его во временное

владѣніе за службу, создавалъ себѣ многочисленную воинскую рать,— дружина, отнынѣ служилая знать, сохраняетъ вплоть до преобразованій Петра I отсталыя формы родоваго быта, а также значеніе подневольныхъ, вполнѣ зависимыхъ служилыхъ людей. При господствѣ родовыхъ или личныхъ интересовъ, въ этой средѣ обнаруживается полное отсутствіе сословной солидарности, безусловная неспособность усилить свое значеніе, войдя въ связь съ землею, съ земствомъ.

Одно право, которое служилая знать долго и упорно отстаиваетъ, это право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Но установившіеся въ своихъ волостяхъ сѣверные князья ограничиваютъ этотъ отжившій порядокъ посредствомъ клятвенныхъ записей и поручительствъ, которыя потомки старыхъ дружинниковъ называли „проклятыми“ граматами. Дорожатъ они слѣдовательно только такимъ проявленіемъ свободы, которое не могло не исчезнуть съ утвержденіемъ единовластія московскихъ государей.

Около половины XV вѣка входятъ въ число слугъ великаго князя лишившіеся владѣній князья племени Рюрика и Гедемина. Сперва имъ предоставляется преимущество надъ боярами, чѣмъ они возбуждаютъ къ себѣ непріязнь, а потому, вмѣсто того чтобы усилить значеніе служилой знати своей родовитостью, они служатъ только новымъ поводомъ родовой розни. Впослѣдствіи они входятъ въ общій служебный распорядокъ и иные изъ нихъ, по чиновнымъ понятіямъ, могли почитаться даже людьми худородными. Князь Воротынскій, укоряя короля Сигизмунда въ томъ, что онъ сажалъ на важныя мѣста людей худородныхъ, въ числѣ ихъ упоминаетъ двухъ князей. Князь Пожарскій, малочиновный стольникъ, считалъ себя самъ человѣкомъ худороднымъ, говоря: „если бы теперь такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичъ (Голицынъ, бывшій посломъ и въ почетномъ плѣну у поляковъ), то за него бы вся земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся“.

Отсутствіе сословныхъ интересовъ, при господствѣ родоваго начала, породило *мѣстничество*. Наслѣдственной аристократіи, высшаго сословія не было, а были только чины: бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ. Все вниманіе чиновнаго человѣка было поэтому

сосредоточено на томъ, чтобы не уронить, при чиновномъ распорядкѣ, родовой чести.

Мѣстничались въ ратномъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи, причемъ интересъ общій, государственный, всегда отступалъ передъ родовымъ на второй планъ.

Мѣстничество вызывало отсталость Россіи въ военномъ отношеніи вслѣдствіе того, что каждый бояринъ по самому званію своему былъ и воеводою, причемъ назначались они къ предводительству войсками не по способностямъ, а по мѣсту, которое они занимали въ думѣ. Отсталость эта грозила временами опасностью самой безопасности государства, когда приходилось имѣть дѣло не съ дикими или слабыми противниками, а съ искусными полководцами во главѣ обученныхъ и дисциплинированныхъ войскъ,— такъ въ борьбѣ нашей съ Стефаномъ Баторіемъ, только раздоры польскихъ вельможъ и пановъ спасли Россію отъ жестокаго разгрома.

На нѣкоторыхъ примѣрахъ мѣстническихъ счетовъ стоитъ остановиться, чтобы показать наглядно, насколько это проявленіе родовыхъ отношеній дѣлало невозможнымъ зарожденіе въ служиломъ классѣ какой-либо сословной солидарности.

Изъ разрядныхъ книгъ за 1579 г. видно, что во время Ливонскаго похода воеводы писали, что имъ быть невмѣстно и несмотря на то, что имъ отвѣчали быть по росписи, воеводы опять „замшились“ и къ Кеси не пошли. Тогда царь, кручинясь, прислалъ изъ Москвы дьяка Щелканова и дворянина Салтыкова и велѣлъ имъ идти на Кесь и промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ. Въ походахъ противъ крымцевъ въ 1589 г. князь Андрей Голицынъ сказался больнымъ, не хотя въ меньшихъ быть у князя Трубецкаго; князья Ногтевъ и Одоевскій сказали, что „на государеву службу готовы, а меньше князя Ивана Голицына быть намъ невмѣстно“; князь Петръ Буйносовъ сказалъ: „меньше мнѣ князя Одоевскаго быть невмѣстно“; князь Туренинъ сказалъ: „меньше мнѣ князя Буйносова быть невмѣстно“. Въ походѣ 1597 года бьютъ челомъ за мѣста князья: Трубецкой на Шуйскаго, Голицынъ на Трубецкаго, Черкасскій на Ноготкова, Буйносовъ на Голицына, бояринъ Шереметевъ на Ноготкова и Буйносова, Кашинъ на Буйносова и Шереметева.

Въ Апрѣлѣ 1632 г. умеръ король Сигизмундъ, съ которымъ мы враждовали, и въ Польшѣ наступило междуцарствіе, избирательный сеймъ, смуты, — надо было пользоваться временемъ, которое было однако упущено вслѣдствіе мѣстническихъ челобитій воеводъ князей Черкасскаго и Лыкова, на разрѣшеніе которыхъ и замѣну ихъ другими военачальниками, потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ гражданскомъ управленіи тоже не было почти ни одного назначенія, при которомъ бы посылаемые люди не били челомъ другъ на друга по своимъ мѣстническимъ счетамъ.

Мѣстничались и при придворныхъ торжествахъ. Въ день вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича на царство, сказано было боярство стольнику князю Пожарскому, вождю-освободителю; назначенный стоять у сказки думный дворянинъ Пушкинъ билъ челомъ, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что родственники его меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали.

На торжественныхъ обѣдахъ во время пріема пословъ и въ другихъ случаяхъ приходилось сажать недовольныхъ бояръ на назначенныя имъ мѣста силою, причемъ они вступали въ борьбу или опускались подъ столъ. За однимъ изъ такихъ обѣдовъ князь Лыковъ низачто не хотѣлъ уступить мѣста дядѣ царя Михаила Ѳеодоровича, Ивану Никитичу Романову и, несмотря на всѣ убѣжденія государя, отъ стола уѣхалъ; за нимъ посылали два раза, но онъ отвѣчалъ посланнымъ: „готовъ ѣхать на казнь, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать“.

Служилые люди искали прибытка родовой чести даже у Тушинскаго вора, при отсутствіи какого-либо сомнѣнія въ самозванствѣ этого втораго Лжедмитрія.

Размноженія мѣстническихъ дѣлъ не предупреждали и строгія наказанія за неправыя челобитья — до битья батогами передъ разрядною избою включительно.

Впрочемъ въ допетровское время родовое начало лежало въ основѣ семейныхъ и имущественныхъ отношеній во всѣхъ классахъ населенія, которые въ то время стояли на болѣе или менѣе одинаковомъ уровнѣ гражданственности.

Родовой бытъ въ семейной сферѣ ярко иллюстрируетъ слѣдующая челобитная, которую знаменитый князь Дмитрій Ми-

хайловичъ Пожарскій подалъ царю въ 1634 г. вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Дмитріемъ Петровичемъ. „Племянникъ нашъ, Ѳедька Пожарскій, у насъ на твоей государевой службѣ въ Можайскѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. Мы, холопы твои, всякими мѣрами его унимали: били, на цѣпь и въ желѣза сажали; помѣстьице, твое царское жалованье, давно запустошилъ, пропилъ все и теперь въ Можайскѣ изъ кабаковъ нейдетъ, спился съ ума, а унять не умѣемъ. Вели, государь, его изъ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобы намъ отъ его воровства впередъ отъ тебя въ опалѣ не быть“. И такъ дядя имѣетъ право бить, сажать на цѣпь и въ желѣза своего племянника и считаетъ себя отвѣтственнымъ за дурное поведеніе младшаго родича.

Господство родоваго начала въ имущественной сферѣ доказывается цѣлымъ рядомъ юридическихъ документовъ, касающихся родоваго владѣнія или выдѣла двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ, а также постановленіями о наслѣдствѣ, правомъ выкупа родовыхъ вотчинъ въ продолжительный сорокалѣтній срокъ.

Вступленіе въ служилое сословіе и выходъ изъ него.

Въ западной Европѣ происхожденіе отъ дворянина было долгое время единственнымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства и соединенныхъ съ нимъ доминіальныхъ правъ; составъ дворянства ограничивался потомствомъ первоначальныхъ завоевателей земли и ихъ ратныхъ товарищей. Правда, съ усиленіемъ монархической власти мѣстами становится возможнымъ пріобрѣтеніе дворянства и для лицъ другаго состоянія: такъ во Франціи съ половины XVII столѣтія его пріобрѣтаютъ высшіе представители судебной власти, но это дворянство (noblesse de robe) рѣзко отличается отъ старинной поземельной аристократіи.

Въ древней Россіи какъ доступъ въ служилое сословіе, такъ и выходъ изъ него были свободны.

Правительство принимало на службу и раздавало помѣстья, не обращая большаго вниманія на происхожденіе новыхъ помѣщиковъ.

Всякій грамотный человѣкъ, какого-бы онъ званія ни былъ охотно принимался въ подъячіе; должность эта въ осо-

бенности привлекала къ себѣ лицъ духовнаго званія. Она служила также для граматныхъ тяглыхъ людей средствомъ избывать обременительныхъ повинностей, и потому вызвала въ 1640 г., по челобитьямъ посадскихъ людей, воспрещеніе принимать ихъ въ подъячіе. Верхніе же ряды служилаго класса пополнялись нерѣдко и иностранцами, выходцами изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Германіи. Самое боярское званіе не было наслѣдственнымъ, хотя вообще при назначеніи на должности и возведеніи въ чины сообразовались съ породою. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича члены шестнадцати знатныхъ родовъ имѣли право, обойдя низшіе чины, поступать прямо въ бояре [1]); члены пятнадцати родовъ поступали сначала въ окольничіе, а потомъ въ бояре [2]); изъ этихъ тридцати одной фамиліи двадцать княжескихъ.

Выходъ изъ служилаго сословія былъ возможенъ, насколько онъ не нарушалъ принципа обязательности службы и потребности государства въ служилыхъ людяхъ. Великіе князья входили въ соглашеніе съ духовнымъ начальствомъ, чтобы ихъ не ставили въ священники. По судебнику Грознаго не велѣно было принимать въ холопы дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которыя еще не служили, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставлялъ. Только въ 1641 году было указано впередъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ холопы никому не принимать.

Источники существованія служилыхъ людей.

Положеніе служилаго сословія было вполнѣ зависимое, такъ какъ оно жило исключительно отъ государева жалованья, — деньгами и помѣстьями, и отъ посылокъ на кормленіе. Денежное жалованье для того времени было довольно значительно. При Борисѣ Годуновѣ бояре получали отъ 500 до 1,200 руб.; окольничіе отъ 200 до 1,000 руб. и до 200 четвертей земли; думные дворяне отъ 100 до 200 руб. и 1,200 четвертей земли и т. д. до дѣтей боярскихъ, которыя получали по 4, 5, 6 руб. и

[1]) Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Рѣпнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы, Урусовы.

[2]) Куракины, Долгорукіе, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрешневы, Борятинскіе, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы.

отъ 100 до 200 четвертей земли. Въ царствованіе Лжедмитрія жалованье это было удвоено. Тѣ бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, которымъ не хватало мѣстъ по приказамъ, выпрашивались на воеводства; выѣзжали они на кормленіе со всей родней — батюшкой, матушкой, женой, дѣтьми, дядьями, тетками и племянниками, а также съ многочисленной дворней.

Помѣстная система не благопріятно отзывалась на служебныхъ достоинствахъ служилаго класса людей въ Московскомъ государствѣ. Жизнь въ помѣстьи отучала ихъ отъ военной службы, которая становилась для нихъ тяжелымъ бременемъ. Они старались всячески отъ нее избавиться и неявка на службу стала обычнымъ явленіемъ, чѣмъ опредѣлялся и самый порядокъ сбора дѣтей боярскихъ на службу. Для этого сбора посылались по областямъ особые чиновники изъ Москвы; забирали они дѣтей боярскихъ по списку, ловили ихъ по дорогамъ и отдавали на крѣпкія поруки съ записями; сопровождая ихъ въ назначенныя для сбора мѣста, берегли накрѣпко, чтобы дѣти боярскія по дорогѣ не отставали, насильства и грабежа никому не дѣлали, кормовъ людскихъ и конскихъ силою не отнимали; укрывающихся, сыскивая, били кнутомъ и высылали на службу; неявившіеся назывались *нѣтями*, *нѣтчиками* и имъ велись особые *нѣтные* списки.

Въ концѣ XVI вѣка послѣдовало воспрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому. Мѣра эта была вызвана соображеніями служебными, желаніемъ увеличить составъ войска, главный контингентъ котораго составляли дворяне и дѣти боярскія, которые должны были отъ помѣстій себя содержать и, по призыву государя, являться на службу *конны*, *людны* и *оружны;* между тѣмъ, при недостаткѣ рукъ для обработыванія земли, болѣе сильные и знатные землевладѣльцы всякими средствами перезывали къ себѣ крестьянъ отъ менѣе знатныхъ помѣщиковъ, чѣмъ наносили ущербъ ихъ хозяйственной и служебной состоятельности. Отсюда пошло постепенное порабощеніе помѣщиками прежде свободнаго и полноправнаго, и, — въ противоположность западу — одноплеменнаго имъ сельскаго населенія. Это прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣстьямъ имѣло на служилое сословіе растлѣвающее вліяніе.

Праздная жизнь въ помѣстьѣ, при обезпеченныхъ и подневольныхъ рабочихъ, стала еще болѣе привлекательною, служебная

повинность стала тяготою еще болѣе невыносимою, а беззаботность деревенскаго существованія, при новыхъ условіяхъ, отучала помѣстный классъ отъ всякой самодѣятельности.

Не болѣе дѣятельною и плодотворною представляется служба и на верхнихъ ступеняхъ служилой лѣствицы вплоть до кореннаго измѣненія всего служебнаго строя при Петрѣ.

Обыденная дѣятельность служилыхъ людей въ Москвѣ представляетъ, въ описаніи С. М. Соловьева [1]), такую картину.

Кругомъ царскаго дворца, — въ Кремлѣ, въ Китаѣ и Бѣломъ Городѣ, — на обширныхъ усадьбахъ живутъ знатные люди разныхъ чиновъ, окруженные бѣдными родственниками и многочисленною дворнею. Это старинная дружина княжеская, ставшая царскою *служней*. Она ежедневно два раза, утромъ рано и въ вечерню, собирается ко дворцу. Большинство менѣе знатныхъ людей останавливается на обширной площади у постельнаго крыльца. Здѣсь стольники, именуемые площадными (въ отличіе отъ комнатныхъ), съ ними остаются у крыльца стряпчіе, носители стряпни (регалій) въ торжественныхъ церемоніяхъ, а также московскіе дворяне и дьяки; здѣсь же стоятъ жильцы, воинскій отрядъ, составленный изъ дворянства, дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей. Толпа эта не отличается благочиніемъ; ссоры, брань переходятъ нерѣдко въ драку; соперники *гоняются* другъ за другомъ по крыльцу и случается, что одного изъ нихъ уносятъ съ прошибленной кирпичемъ головой. Бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки проходятъ въ *переднюю*. При входѣ государя всѣ кланяются въ землю. Государь садится и кличетъ тѣхъ, до кого ему есть дѣло; иные изъ присутствующихъ подходятъ и безъ зова и, кланяясь въ землю, челомъ бьютъ по своимъ дѣламъ; имянинники подносятъ калачи. Послѣ пріема царь съ дворомъ идетъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни государь возвращается въ переднюю или проходитъ въ *комнату*, куда имѣютъ доступъ только *ближніе* бояре, люди вхожіе, и выслушиваетъ доклады начальниковъ приказовъ или, для болѣе важныхъ дѣлъ, приглашаетъ на думу бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, что называлось *сидѣніемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ*. При этихъ сидѣніяхъ государь приказываетъ своимъ совѣтникамъ „помысля, дать къ дѣлу способъ“.

[1]) Исторія Россіи съ древн. временъ, т. XIII, гл. 1.

Въ такомъ видѣ до начала XVIII в. примѣняются старинные дружинные порядки, но это уже одна форма безъ содержанія. Русскіе государи свято блюдутъ традиціонное право старѣйшихъ дружинниковъ *думать* съ княземъ о дѣлахъ государственныхъ, — на него не посягнулъ даже Іоаннъ IV въ ожесточенной борьбѣ своей съ боярами, — но бояре и думные люди не воспользовались этимъ для пріобрѣтенія дѣйствительнаго политическаго вліянія, да и не могли этого сдѣлать при указанномъ преобладаніи въ ихъ общественной средѣ родовыхъ и личныхъ интересовъ передъ интересами государственными и сословными. Замѣчательно, что усобицы въ средѣ русской служебной знати достигали своего апогея именно въ моменты наиболѣе благопріятные для усиленія политическаго значенія бояръ (малолѣтство Іоанна IV, правленіе боярина Бориса Годунова именемъ слабоумнаго царя Ѳеодора, ограниченіе своей самодержавной власти царемъ Василіемъ Шуйскимъ, правленіе боярской думы во время междуцарствія, послѣдовавшаго за низложеніемъ Шуйскаго).

Помимо мѣстническихъ счетовъ и личной выгоды, служилые люди въ Московскомъ государствѣ придавали первенствующее значеніе всякой обрядности, процессуальнымъ формальностямъ, избѣгая всякаго новшества, какъ навожденія дьявольскаго. За немногими исключеніями, даже самые знатные изъ нихъ соединяли азіатскую пышность внѣшней обстановки съ первобытною грубостью нравовъ, самымъ низкимъ уровнемъ просвѣщенія и отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства (именовали себя холопами и уничижительными именами).

Немудрено поэтому, что на предложеніе государя въ думѣ „помысля, дать дѣлу способъ“, иные бояре, по свидѣтельству Котошихина „брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ не учены“. Даже внѣшнее благочиніе не всегда соблюдалось въ думѣ: Пушкины были посажены въ тюрьму за то, что побранились съ Долгорукими въ то время, какъ государь *сидѣлъ* съ боярами.

Впрочемъ недостатки служилой знати въ качествѣ совѣтниковъ государя и правителей въ приказахъ и на воеводствахъ сознавались московскими государями и уже со времени Василія

Іоанновича они стали приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній. Извѣстно значеніе, которое получили при Іоаннѣ IV священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и Адашевъ, человѣкъ самаго скромнаго происхожденія. Царь Алексѣй Михайловичъ приближаетъ къ себѣ, поддерживаетъ и выводитъ въ бояре ненавидимыхъ знатью за вольнодумство и пристрастіе къ иноземнымъ порядкамъ Ордина-Нащокина и Матвѣева, дьякова сына. Недостатки старшихъ служилыхъ чиновъ обусловили также громадное значеніе на дѣла профессіональныхъ дѣльцовъ, дьяковъ и подъячихъ. При Іоаннѣ IV дьяки были даже назначаемы воеводами для предводительства войсками (Выводковъ, Ржевскій). Это конечно не нравилось боярамъ и князь Курбскій пишетъ: „Князь великій очень вѣритъ писарямъ, которыхъ выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей или изъ простаго всенародства, а дѣлаетъ это изъ ненависти къ вельможамъ своимъ“. Какое значеніе дьяки имѣли въ приказахъ и насколько они его сознавали, можно заключить изъ слѣдующихъ мѣстническихъ дѣлъ. Въ 1617 г. Леонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за что думный дьякъ билъ его по щекамъ. Въ 1620 г. Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховскаго; бояре приговорили бить челобитчика кнутомъ, но думный дьякъ Луговской сказалъ боярамъ: „долго этого ждать“ и, взявъ палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ билъ его другой палкой и оба приговаривали: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“. Алексѣй Михайловичъ учреждаетъ особый приказъ тайныхъ дѣлъ, состоящій изъ одного дьяка и нѣсколькихъ подъячихъ, изъ котораго посылаетъ бумаги, наказы, собственноручныя письма безъ вѣдома бояръ.

Итакъ, служилый классъ въ Московскомъ государствѣ,— при отсутствіи общности происхожденія, наслѣдственной преемственности званія и единства обще-сословныхъ интересовъ,— можетъ быть признаваемъ сословіемъ только въ обширномъ смыслѣ группы населенія, отличавшейся отъ другихъ состояній въ государствѣ исключительно родомъ отбывавшейся имъ повинности.

II.

Дворянство послѣ Петра Великаго [1]).

Собирая разрозненные элементы населенія въ общественныя группы, Петръ Великій даетъ имъ организацію по иноземнымъ образцамъ и иностранныя названія. Городскихъ обывателей онъ распредѣляетъ по гильдіямъ, ремесленники образуютъ цумпфты, а служилые люди обособляются въ особое сословіе, названное шляхетствомъ. **Упраздненіе родоваго начала въ организаціи служилаго сословія.**

Петръ широко распахнулъ двери для входа въ это сословіе. Даже самыхъ приближенныхъ къ себѣ людей онъ бралъ, сообразуясь исключительно съ ихъ служебной годностью: князь Меньшиковъ, его правая рука,—пирожникъ; баронъ Шафировъ—еврей; графъ Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ — сынъ кистера лютеранской церкви; графъ Девьеръ, первый генералъ-полицеймейстеръ—португалецъ, слуга на купеческомъ кораблѣ. Своихъ прибыльщиковъ и фискаловъ онъ бралъ даже изъ крѣпостныхъ.

Старыхъ чиновъ, въ которые служилые люди Московскаго государства возводились по породѣ, Петръ не отмѣнилъ, но пересталъ въ нихъ производить. Это учрежденіе упразднилось само собою при постепенномъ вымираніи носителей этихъ чиновъ,—чинъ боярскій погребенъ со смертью послѣдняго боярина, князя Ив. Юр. Трубецкаго въ 1750 г.

Родовое начало въ служиломъ сословіи было упразднено окончательно *табелью о рангахъ*, обнародованной 24 Января 1722 г.

---

[1]) При составленіи главъ II и III служило намъ главнымъ пособіемъ сочиненіе проф. А. Романовича-Славатинскаго „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права“.

Существуетъ предположеніе, что мысль о введеніи ее принадлежитъ Лейбницу, постоянному совѣтнику Петра въ вопросахъ государственнаго устроенія. Первые ея проекты писаны собственною рукою Петра по имѣвшимся у него въ переводѣ иностраннымъ образцамъ и, вмѣстѣ съ табелью въ окончательной редакціи, въ сенатъ были внесены росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ.

Табель о рангахъ имѣла преобладающее вліяніе на судьбы нашего дворянства. Она сдѣлала навсегда невозможнымъ водвореніе у насъ аристократическаго начала въ сословныхъ отношеніяхъ. Всѣ попытки и мѣропріятія въ этомъ направленіи не могли идти далѣе поверхностной, чисто внѣшней подражательности чуждымъ нашему общественному быту сословнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ западной Европѣ до начала настоящаго столѣтія.

Табель о рангахъ не дала дворянству замкнуться въ сословную касту, потому что сохранивъ за нимъ,— въ полномъ соотвѣтствіи съ исторической традиціей, — значеніе служилаго сословія, открыла въ него широкій доступъ всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ.

Табель установляетъ, что дослужившіеся до перваго офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной и получившіе первые восемь ранговъ по статскому и придворному вѣдомствамъ „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“.

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель о рангахъ соединила въ одной общественной группѣ лицъ знатнаго происхожденія и богатыхъ съ потомствомъ мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ.

Постоянно возраставшая численность офицеровъ и чиновниковъ имѣла своимъ послѣдствіемъ наростаніе потомственнаго дворянства въ столь значительной прогрессіи, что въ 1845 г. пріобрѣтеніе его было ограничено штабъ-офицерскимъ чиномъ въ военной службѣ и чиномъ пятаго класса въ гражданской, а въ 1856 г. постановлено, что потомственное дворянство даютъ только чины полковника, капитана 1 ранга и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Кромѣ пріобрѣтенія дворянства чиномъ, табель о рангахъ установляетъ и пріобрѣтеніе его пожалованіемъ отъ монарха. Первый случай такого пожалованія послѣдовалъ въ 1726 г., когда Екатерина I возвела въ потомственные дворяне Акинфія Демидова, отецъ котораго, Никита Демидовъ, изъ тульскихъ крестьянъ, отклонилъ пожалованіе въ дворянство, предложенное ему Петромъ I.

Жалованная грамата дворянству 1785 г. присоединяетъ къ этимъ основнымъ способамъ пріобрѣтенія дворянства еще пожалованіе орденомъ, относя къ безспорнымъ доказательствамъ дворянства, когда „кавалерскій орденъ особу украшалъ".

Съ присоединеніемъ къ имперіи новыхъ областей къ составу русскаго дворянства пріобщено дворянство иноплеменное или высшіе классы народностей, населявшихъ эти области. Мало по малу въ ряды русскаго дворянства вошли: дворянство остзейское, панство и вельможество польское, шляхетство малороссійское и выборные чины казачьихъ войскъ, князья и мурзы татарскаго происхожденія, князья и дворяне Грузіи, бояре и бояринаши бессарабскіе.

71795

Присоединеніе весьма многихъ инородцевъ къ сословію потомственныхъ дворянъ дѣлалось бюрократическимъ порядкомъ, безъ достаточнаго выясненія значенія тѣхъ сословныхъ отличій, которыя приравнивались къ дворянскому званію. Примѣромъ такихъ массовыхъ присоединеній къ дворянству извѣстныхъ категорій простыхъ земледѣльцевъ можетъ служить возникшее въ 1795 г. дѣло объ удобнѣйшихъ средствахъ къ доставленію пропитанія тѣмъ изъ татаръ, которые, бывъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ, лишились общественной земли.

Облегченный доступъ и эти инородческія присоединенія имѣли своимъ послѣдствіемъ, что *составъ дворянства достигъ громадныхъ размѣровъ по своей численности и отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ однородности.* Эти два условія служатъ и будутъ служить всегда непреодолимымъ препятствіемъ для возникновенія и проявленія въ этой многочисленной и разношерстной средѣ сословной исключительности сколько-нибудь серьезнаго политическаго значенія.

Численный составъ дворянства.

О численности дворянъ не имѣется точныхъ данныхъ,—ихъ можетъ дать только разработка статистическаго матерьяла, собраннаго при первой однодневной переписи населенія имперіи. По исчисленіямъ Манштейна и свѣдѣніямъ, собраннымъ Миллеромъ для Вольтера, число дворянъ обоего пола въ царствованіе Екатерины II простиралось до 500,000 душъ. По таблицамъ центральнаго статистическаго комитета, въ 1858 г. считалось дворянъ: въ Европейской Россіи 609,973 души потомственныхъ и 276,809 личныхъ, что составило бы, съ присоединеніемъ къ нимъ 17,484 душъ для Сибири и 13,000 душъ для Кавказа общую сумму въ 1.000.200 душъ дворянъ обоего пола въ имперіи. Хотя за свѣдѣніями этими нельзя признать даже приблизительной достовѣрности, несомнѣнно, однако, что численный составъ дворянства чрезвычайно великъ, постоянно преумножаясь отъ рожденія и новыхъ присоединеній. Производство въ чины и пожалованіе орденами увеличиваетъ составъ потомственнаго дворянства на нѣсколько тысячъ семей въ годъ.

Чтобы оттѣнить значеніе многочисленности русскаго дворянства въ сословномъ отношеніи, замѣтимъ, что во Франціи, наканунѣ резолюціи было немного болѣе 25,000 дворянскихъ семей[1]).

Разнородность дворянской среды.

Въ смыслѣ сословной исключительности дворянства большое значеніе имѣетъ и разнородность его состава.

Въ громадной массѣ россійскаго дворянства родовитыхъ фамилій очень немного. Кн. Долгорукій, въ своей родословной книгѣ, насчитываетъ всего 882 фамиліи, существовавшія до 1600 г., въ томъ числѣ 39 княжескихъ и 21 нетитулованныхъ фамилій рюриковой крови, 8 гедеминовой и 76 внесенныхъ въ бархатную книгу; изъ этихъ 882 фамилій весьма многія уже угасли. Другія, нынѣ знатныя фамиліи, ведутъ свою генеалогію отъ людей самаго низменнаго происхожденія, выдвинувшихся благодаря своимъ талантамъ или счастливому случаю. Порода играетъ у насъ вообще второстепенную роль при опредѣленіи значенія дворянства: плебей Меньшиковъ посылаетъ женѣ двухъ шляхтскихъ дѣвицъ для забавы вмѣсто попугая; Мавра Егоровна

---

[1]) H. Taine. L'ancien régime. p. p. 17 et 529.

Шувалова, любимица императрицы Елисаветы Петровны, служила молебны, когда мужъ ея, извѣстный графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, дворянинъ по рожденію, возвращался съ охоты Разумовскаго, бывшаго пѣвчаго, не высѣченный батажьемъ.

Знатность въ средѣ дворянства опредѣляется, — кромѣ близости ко двору, — и степенью состоятельности, возможностью широко жить, принимать; между тѣмъ большинство старинныхъ фамилій обѣднѣли и Гакстгаузенъ [1]) справедливо замѣчаетъ, что состояніе у насъ рѣдко переходитъ въ третье поколѣніе.

Процессъ послѣдовательнаго обѣдненія дворянскихъ родовъ — явленіе не новое. Опредѣленія сената о принятіи дворянскихъ дѣтей въ ариѳметическія и гарнизонныя школы заключаютъ въ себѣ многочисленныя доказательства, можно сказать, массоваго обнищанія дворянъ въ блестящій вѣкъ Екатерины II. Пронскій предводитель доносилъ сенату, что къ нему явилось болѣе 200 дворянскихъ дѣтей съ заявленіемъ, что они желали бы поступить на службу, но не въ состояніи на нее явиться по неимѣнію платья и обуви. Дворянка Ахматова въ 1774 г. просила новгородскаго генералъ-губернатора объ опредѣленіи своихъ трехъ сыновей въ новгородскую гарнизонную школу, учрежденную для однихъ солдатскихъ дѣтей, по неимѣнію средствъ для ихъ воспитанія, такъ какъ питается съ семьей крестьянской работой, а мужъ нанялся на тягу барокъ. Сенатъ въ то время постановилъ принимать такихъ бѣдныхъ дворянъ, сколько бы ихъ ни было, въ гарнизонныя школы, отпуская на содержаніе каждаго изъ нихъ по 5 руб. 32 1/2 коп. въ годъ. Изъ писемъ Екатерины II къ Архарову видно, что въ новгородской и тверской губерніяхъ дворянскія фамиліи жили цѣлыми селеніями, сами занимаясь хлѣбопашествомъ. Съ другой стороны, дѣти разжившихся мѣщанъ и крестьянъ занимали видное положеніе въ дворянствѣ, вступая въ него съ большими состояніями. Огромное большинство русскаго дворянства происходитъ отъ людей, получившихъ это званіе на службѣ, а такъ какъ на гражданскую службу въ прежнее время поступали въ большомъ числѣ сыновья священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, то весьма значительная часть современнаго дворянства происходитъ изъ

[1]) Baron Auguste de Haxthausen. Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. 3 vol. Hanovre. 1847.

духовнаго званія. Это господство чиновнаго элемента въ русскомъ дворянствѣ не укрылось отъ вниманія наблюдательныхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Шлецеръ въ 1781 г. пишетъ изъ Россіи: „un gentilhomme n'est rien ici“. Коксъ, сопоставляя наши сословные порядки съ существовавшими на западѣ удивляется, что въ Россіи благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности.

Не легко уживались и у насъ съ этими порядками родовитые представители дворянской знати. Вслѣдствіе малаго знакомства съ значеніемъ сословныхъ отношеній въ допетровское время и не сознавая кореннаго отличія нашего дворянства отъ западно-европейской аристократіи, они скорбятъ „что упала древняя гордость дворянская“, что многіе дворяне „ни малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и поведеніи своемъ не имѣютъ“; они ищутъ путей для поднятія значенія дворянства, которое должно-бы стать „особливымъ родомъ людей въ государствѣ“ и жалуются на то, что пріобрѣтеніемъ дворянства чиномъ „уподляются дворянскіе роды, затмѣваются ихъ преимущества“. Мнѣнія эти нашли себѣ выраженіе преимущественно въ коммиссіи по составленію уложенія 1767 года и наиболѣе страстнаго и даровитаго борца и истолкователя въ лицѣ ярославскаго депутата князя Щербатова. Практическихъ результатовъ эти заявленія не имѣли и обособленность болѣе знатнаго дворянства послѣдовала только на бумагѣ заведеніемъ для его регистраціи особой части (6) дворянской родословной книги. Въ дѣйствительности и по закону, полная равноправность распространяется на все дворянское сословіе и на каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности, каково-бы ни было его происхожденіе, занятіе и степень состоятельности. Потомки Рюрика и Гедемина могутъ по справедливости гордиться древностью своего рода и этой знатности никто не властенъ отъ нихъ отнять, но собственно правъ сословныхъ имъ принадлежитъ ни на іоту болѣе того, сколько ихъ имѣетъ послѣдній профессіональный нищій дворянскаго происхожденія. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что реформа Петра I ни въ чемъ существенномъ не ограничила сословныхъ правъ этихъ представителей древнѣйшихъ родовъ служилыхъ людей, — они лишились только преимуществъ при назначеніи въ чины, нынѣ не существующіе.

Въ стремленіи обособить извѣстные элементы дворянства отъ общей его массы, существуетъ тенденція выдѣлить въ особую группу поземельныхъ собственниковъ дворянскаго происхожденія. Для этого не существуетъ, однако, ни юридическаго основанія, ни фактической возможности. Предоставленныя дворянству права по землевладѣнію принадлежатъ всему сословію безъ всякихъ ограниченій и каждый дворянинъ пользуется ими съ момента пріобрѣтенія имъ поземельной собственности, поэтому — права, сословное значеніе и интересы дворянъ, владѣющихъ имѣніями въ данное время, не могутъ быть противуполагаемы интересамъ, значенію и правамъ дворянъ-чиновниковъ, дворянъ-капиталистовъ, или дворянъ занимающихся торговлей или другими промыслами. Точно также для дворянства помѣстнаго не можетъ существовать и особой дворянской чести, такъ какъ сословная честь дворянина не можетъ зависѣть отъ случайнаго обстоятельства — владѣнія имѣніемъ,— она не можетъ быть покупаема одновременно съ пріобрѣтеніемъ опредѣленнаго количества земли.

Различіемъ происхожденія, послѣдовательнымъ обѣдненіемъ извѣстныхъ дворянскихъ родовъ и разнообразными превратностями судьбы въ средѣ столь многочисленной — объясняется пестрая разнородность наличнаго состава дворянъ по ихъ занятіямъ и профессіи; званіе это принадлежитъ людямъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Въ званіи этомъ родились или его пріобрѣли большинство военнослужащихъ, чиновниковъ, судей, адвокатовъ, профессоровъ, врачей, инженеровъ, людей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, — это та именно среда, которая на западѣ составляетъ наиболѣе просвѣщенную часть средняго сословія. Немалое число потомственныхъ дворянъ можно встрѣтить и въ низшихъ слояхъ населенія, въ средѣ людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе ручнымъ трудомъ.

III.

Сословныя привилегіи дворянства.

Начало сословныхъ привилегій дворянства.

Въ допетровской Россіи не существовало сословныхъ привилегій потому, что служилыхъ людей,—въ ихъ чиновномъ разобщеніи и при противоположеніи ихъ родовыхъ интересовъ,—только общность повинности объединяла въ извѣстную общественную группу.

Учрежденіемъ табели о рангахъ Петръ Великій нанесъ рѣшительный ударъ породѣ. Тѣмъ не менѣе реформы Петра, въ другомъ отношеніи, содѣйствовали сословной обособленности людей служилаго класса, образовавшихъ изъ себя корпусъ, сословіе.

Служилому классу, получившему названіе шляхетства, онъ хотѣлъ придать внѣшній образъ западно-европейскаго дворянства. Извѣстныя преимущества этого рода онъ присваиваетъ правда чинамъ, но черезъ посредство чиновъ они сообщались дворянамъ и ихъ нисходящему потомству.

Высшимъ чинамъ, въ большинствѣ случаевъ происхожденія плебейскаго, Петръ жалуетъ родовые и наслѣдственные титулы западной поземельной аристократіи — графовъ, бароновъ и даже княжескій титулъ, который прежде былъ у насъ прирожденнымъ званіемъ и не давался никому, какъ чинъ или отличіе. Котошихинъ говоритъ: „А вновь московскій царь, изъ бояръ и изъ ближнихъ и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинити не можетъ никого“.

Пожалованные титуломъ получили и соотвѣтственные иностранные предикаты—*сіятельства*, *свѣтлости* (Erlaucht, Durchlaucht). Другіе чины стали именоваться *превосходительствомъ*, *высокоблагородіемъ*, *благородіемъ* (Excellence, Hochwohl-

geboren, Wohlgeboren). Это обстоятельство вызвало сенатскій указъ 23 Декабря 1721 г. „о титулѣ императрицы, великихъ княженъ и дѣтей его императорскаго величества“, коихъ повелѣно именовать не благородными, а благовѣрными „понеже титуловаться благородствомъ, Ихъ Высочеству, по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается“.

Табель о рангахъ (п. 16) узаконяетъ употребленіе шляхетствомъ рыцарскихъ эмблемъ—*гербовъ*. Геролдмейстеру поручается всѣмъ дослужившимся до оберъ-офицерства,—какъ изъ дворянъ, такъ и не дворянъ, а не бывшимъ въ военной службѣ — которые могли доказать свое столѣтнее служилое достоинство — давать дипломы на дворянство и гербы. Табель этимъ освящаетъ и регулируетъ самовольно присвоенное себѣ шляхетствомъ право: уже многіе до этого постановленія стали употреблять изобрѣтенные ими гербы, а иные присвоили себѣ гербы знатныхъ иностранныхъ аристократическихъ фамилій и даже царственныхъ династій. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что до Петра Великаго у насъ гербы и печати не употреблялись, „а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а не породная“.

Введенная Петромъ Великимъ подушная подать положила глубокую сословную грань между податнымъ классомъ и людьми отъ подати свободными. Она стала главнымъ признакомъ, отличавшимъ сословіе привилегированное отъ сословій податныхъ.

До освобожденія Петромъ III въ 1762 г. дворянъ отъ обязательной государственной службы, исключительное право на поземельную собственность внѣ городовъ и крѣпостное право, не имѣли значенія привилегіи, — право уравновѣшивалось обязанностью, оно соотвѣтствовало служилому тяглу. Тѣмъ не менѣе права эти составляли въ дѣйствительности несомнѣнное преимущество, особенно при допущенныхъ, послѣ Петра Великаго, смягченіяхъ въ исполненіи дворянами служебной повинности. По закону 1736 года, одинъ изъ сыновей или братьевъ могъ оставаться въ помѣстьи, замѣнивъ себя крѣпостнымъ; остальные кадеты должны были отъ 7 до 20 лѣтъ учиться, затѣмъ 25 лѣтъ служить, послѣ чего получали отставку и посылали за себя даточныхъ людей.

Наконецъ дворянство отличалось отъ народа образованіемъ, ставшимъ для него, со временъ Петра, обязательнымъ, а также внѣшнимъ видомъ, нѣмецкимъ платьемъ, бритою бородой.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что въ дворянской средѣ зародилось и стало развиваться чувство сословнаго единства и сознаніе своего сословнаго превосходства.

Но сословіе это состояло почти исключительно изъ военнослужащихъ и правительственныхъ чиновниковъ, оно не имѣло ни сословной организаціи, ни историческихъ традицій, подобно феодальному дворянству западной Европы. Понятно поэтому, что въ такой средѣ всякая попытка измѣнить установившійся государственный порядокъ въ смыслѣ предоставленія сословной группѣ извѣстныхъ политическихъ правъ съ юридическимъ значеніемъ — была впередъ обречена на неудачу. Такая попытка была сдѣлана въ 1730 г. Шесть представителей дворянской знати рѣшились ограничить предложенную Аннѣ Іоанновнѣ верховную власть, сосредоточивъ ее въ рукахъ двадцати членовъ верховнаго совѣта, избираемыхъ представителями ста знатнѣйшихъ фамилій. Эта олигархическая затѣя встрѣтила противодѣйствіе въ средѣ большинства столичныхъ дворянъ, по колѣнопреклоненной просьбѣ которыхъ императрица вернула себѣ неограниченную власть во всей ея полнотѣ.

Затѣмъ, при династическихъ переворотахъ, бывшихъ послѣдствіемъ шаткости порядка престолонаслѣдія, дворяне играли преимущественно роль вооруженной силы.

Привилегіи дворянства развились окончательно при Екатеринѣ II и получили законодательное признаніе и юридическую санкцію въ граматѣ на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства отъ 21 Апрѣля 1785 г.

А. О личныхъ преимуществахъ дворянъ.

Въ дворянской граматѣ, принадлежащія дворянамъ права подраздѣляются на права лично каждому дворянину присвоенныя и на права предоставленныя дворянамъ въ составѣ общества.

Къ личнымъ преимуществамъ дворянъ относятся:

1. Свобода отъ обязательной службы.
2. Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній.

3. Свобода отъ личныхъ податей.

4. Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговыми операціями.

5. Права поземельныя.

О крѣпостномъ правѣ въ граматѣ не упоминается.

Всѣ эти права признаны наслѣдственными и объявлены неприкосновенными — подъ защитой суда и охраной верховной власти.

1. Права служебные.

Дворянская грамата подтверждаетъ дарованную дворянству манифестомъ 1762 г. вольность и свободу. Обязанность государственной службы обращается въ право, которое служитъ исходной точкой для предоставленія дворянамъ особыхъ служебныхъ преимуществъ.

Петръ Великій предоставилъ возможность всякому, безъ различія происхожденія, выслуживать офицерскіе чины. Въ его воинскомъ уставѣ проведенъ тотъ взглядъ, что всѣ служащіе въ войскѣ, отъ генерала до послѣдняго мушкатера, суть солдаты. При Петрѣ I и его преемникахъ до Екатерины II сословное происхожденіе не давало никакихъ преимуществъ при производствѣ въ чины. Екатерина II установила для дворянъ болѣе сокращенные сроки производства ихъ въ офицеры и преимущества эти сохранились до преобразованія всего нашего военнаго строя въ царствованіе Александра II, когда сословныя преимущества при производствѣ въ офицеры уступили мѣсто образовательному цензу. Точно также и по гражданской службѣ преимущества по происхожденію предоставлены дворянамъ только при Екатеринѣ II и выразились въ болѣе сокращенныхъ срокахъ производства дворянъ въ чины.

Служебныя привилегіи дворянъ ограничиваются въ настоящее время только болѣе короткимъ срокомъ для производства въ коллежскіе регистраторы канцелярскихъ служителей дворянскаго происхожденія.

2. Свобода отъ наказаній тѣлесныхъ.

До Екатерины II дворяне подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ съ лицами другихъ состояній, но дворянская грамата постановила: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“. При Павлѣ I тѣлесныя наказанія для дворянъ были возстановлены и вновь отмѣнены Александромъ I вскорѣ по восшествіи его на престолъ по докладу сената о всѣхъ допу-

щенныхъ Павломъ I нарушеніяхъ жалованной дворянству граматы. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Александръ I возстановилъ дѣйствіе жалованной граматы дворянству неохотно, причемъ весьма знаменательны мотивы его нерѣшительности: въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 15 Іюля 1801 г. государь сказалъ, „что онъ возстановилъ дворянскую грамату противъ собственной своей воли, и что *исключительность* дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна.“

Въ настоящее время свобода отъ наказаній тѣлесныхъ уже не составляетъ привилегіи одного дворянства и только крестьяне мужскаго пола могутъ быть подвергаемы этому унизительному для человѣческаго достоинства взысканію.

3. Свобода отъ личныхъ податей.

При Екатеринѣ II обратилась въ сословную привилегію дворянства, занесенную въ жалованную грамату, свобода отъ личныхъ податей,—до того времени она была послѣдствіемъ обязательной службы государству. Такъ на нее смотрѣлъ и Петръ Великій, какъ это видно изъ указа 1710 г., которымъ велѣно было переписать дворянъ во всѣхъ губерніяхъ и которые изъ нихъ будутъ къ службѣ негодны, тѣхъ обложить денежными окладами.

Въ 1863 г. подушная подать съ городскихъ обывателей была замѣнена налогомъ съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, а въ прошлое царствованіе послѣдовала совершенная отмѣна этой подати, которая провела столь глубокую грань обособленности между различными общественными классами русскаго народа, совсѣмъ не существовавшую въ допетровской Руси.

4. Права по торговлѣ и промысламъ.

Занятіе торговлею было несовмѣстимо съ обязательною службою. Только практическою невозможностью соединить эти два занятія объясняются существовавшія до Екатерины II для дворянъ ограниченія по торговлѣ. Петръ Великій, закономъ 1714 г. о единонаслѣдіи, дозволилъ кадетамъ дворянскихъ фамилій послѣ выслуги опредѣленнаго срока становиться купцами или художниками.

Съ отмѣной обязательной службы устранялось, казалось бы, всякое препятствіе для предоставленія дворянамъ свободы по занятію торговлей и промыслами. Но это не согласовалось съ желаніемъ Екатерины сдѣлать изъ дворянства русскаго подобіе существовавшаго въ ее время на западѣ поземельнаго и придворнаго дворянства,—это противорѣчило ея стремленію привить русскимъ

дворянамъ понятія и сословные предразсудки дворянъ нѣмецкихъ или французскихъ. На западѣ торговля признавалась занятіемъ унизительнымъ для дворянина. Считая поэтому занятіе торговлею не совмѣстимымъ съ достоинствомъ и русскаго дворянина, Екатерина II ограничила торговыя права дворянъ продажей того, „что у нихъ въ деревняхъ родится, или рукодѣліемъ производится“. Дворянамъ подтверждено было также право „заводить фабрики, рукодѣлія и всякіе заводы“, и предоставлено издѣліями ихъ и произведеніями земли торговать оптомъ и отпускать ихъ за границу.

Взглядъ на торговлю, какъ на недворянское дѣло, встрѣчалъ, однако, отпоръ въ самой дворянской средѣ и мнѣнія дворянъ на этотъ предметъ въ коммиссіи уложенія 1767 г. были разнорѣчивы. Дворянская грамата предоставила дворянамъ пользоваться, по желанію, городовымъ правомъ, а потому нѣкоторые дворяне стали записываться въ гильдіи. Возникшее по этому предмету сомнѣніе было разрѣшено въ смыслѣ запрещенія дворянамъ записываться въ гильдіи, — и только манифестомъ 1 Января 1807 г. дворянамъ, не состоящимъ на государственной службѣ, предоставлено записываться во всѣ три гильдіи — *для укрѣпленія связи между обоими государственными сословіями* и для того, чтобы дворяне могли содѣйствовать общему благу *на поприщѣ торговаго трудолюбія*. Въ 1824 г. дворянамъ было запрещено записываться во вторую и третью гильдіи, но въ 1827 г. возстановлено дѣйствіе закона 1807 г., во всемъ его объемѣ.

Въ настоящее время торговля составляетъ право всякаго лица, выбравшаго торговые документы, безъ всякихъ сословныхъ ограниченій.

5. Поземельныя права дворянства.

Какъ одно изъ средствъ установленія внѣшняго сходства русскаго дворянства съ иностраннымъ, жалованная грамата (§ 21) предоставляетъ дворянину присоединять къ своему фамильному прозвищу именованіе по принадлежащимъ ему помѣстьямъ или вотчинамъ.

Право это, сохранившееся и до нынѣ, никогда, сколько извѣстно, на практикѣ не примѣнялось. Но русскіе дворяне, при переводѣ своихъ фамилій на иностранный языкъ, нерѣдко присоединяютъ къ нимъ частицу „de“ или „von“, напримѣръ: m-r d'Ivanoff, Frau von Popoff. Этотъ подражательный способъ именованія не

имѣетъ, однако, ни грамматическаго смысла, ни историческаго оправданія въ происхожденіи русскихъ фамильныхъ прозвищъ.

Жалованная грамата подтверждаетъ дворянству исключительное право поземельной собственности. Уже въ XVII вѣкѣ поземельное владѣніе стало возможнымъ въ Россіи только подъ условіемъ службы государству, причемъ помѣстья и вотчины слились фактически въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія. Порядокъ этотъ получилъ юридическую санкцію въ законахъ Петра I объ установленіи единонаслѣдія и Анны Іоанновны объ его отмѣнѣ.

Жалованная грамата 1785 г. освящаетъ окончательно право дворянства на поземельную собственность. Несмотря на то, что исключительное право дворянъ владѣть землями въ уѣздахъ было прямымъ послѣдствіемъ обязательной службы, съ отмѣною которой оно лишалось всякаго справедливаго основанія, оно было сохранено за дворянствомъ Екатериною II, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что Городовое Положеніе разрѣшало именитымъ гражданамъ имѣть загородные дворы и сады. Только Александръ I, указомъ 12 Декабря 1801 г., предоставилъ пріобрѣтеніе всякихъ земель безъ крестьянъ всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ это право лишь при Николаѣ I въ 1848 г.

Послѣ этого за дворянствомъ оставалось только исключительное право владѣть населенными имѣніями,—оставалось крѣпостное право, какъ сословная привилегія.

Крѣпостное право. Отношеніе къ нему верховной власти и дворянства.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на значеніи этой привилегіи, что дастъ намъ возможность опредѣлить отношеніе къ крѣпостному праву русскаго дворянства, съ одной стороны, и верховной власти—съ другой, а также оцѣнить, съ исторической и государственной точки зрѣнія, значеніе той жертвы, которая потребована была отъ дворянъ при освобожденіи крестьянъ въ 1861 г.

Крѣпостное право, въ смыслѣ порабощенія одного класса прежде свободнаго населенія другому, не имѣетъ въ Россіи историческаго основанія въ иноплеменномъ завоеваніи или добровольномъ подчиненіи сельскаго населенія поземельному владѣльцу при обязательствѣ послѣдняго защищать это населеніе отъ обиды

и разоренія при нападеніи воинственныхъ сосѣдей — какъ это было на западѣ Европы.

Крѣпостное право въ Россіи, помимо историческаго основанія, не имѣло подъ собою и твердой юридической почвы, такъ какъ никакой законъ не отдавалъ свободнаго сельскаго населенія помѣстій въ неволю надѣленнымъ этими помѣстьями служилымъ людямъ.

Послѣдовало запрещеніе крестьянамъ переходить изъ одного помѣстья въ другое, какъ мѣра направленная къ обезпеченію исправнаго отправленія служилыми людьми воинской повинности, при облегченіи ея тяжести для болѣе бѣдныхъ помѣщиковъ, отъ которыхъ переманивали къ себѣ крестьянъ болѣе сильные и богатые помѣстные владѣльцы. Мѣра эта вызвала негодованіе послѣднихъ и въ одномъ указѣ царя Василія Шуйскаго говорится, что царь Ѳеодоръ, по наущенію Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ. Потомъ помѣщики, крупные и мелкіе, воспользовались фактическою зависимостью крестьянъ, лишенныхъ права отъ нихъ уйти, обратили мало по малу эту зависимость въ неволю и настоящее рабство. Законъ не предупреждалъ этого послѣдовательнаго закрѣпощенія, а въ отдѣльныхъ постановленіяхъ признавалъ въ извѣстной мѣрѣ установившіяся на практикѣ отношенія. Такимъ образомъ постепенно утратилось различіе пашенныхъ крестьянъ отъ кабальныхъ людей и Петръ Великій, признавъ совершившійся фактъ, указами о ревизіи окончательно слилъ ихъ въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Петръ не былъ сторонникомъ крѣпостныхъ отношеній, онъ съ негодованіемъ говорилъ о торговлѣ людьми „какъ скотомъ“, а въ инструкціи воеводамъ 1719 г. онъ предписываетъ производить разслѣдованія о томъ „не было-ль крестьянамъ отъ помѣщиковъ наглаго разоренія“ и если оказывалось, что причиной бѣдственнаго положенія крестьянъ было разореніе ихъ помѣщикомъ, то такой помѣщикъ отдавался до исправленія *подъ началъ*. Петръ также сдерживалъ дальнѣйшее распространеніе крѣпостнаго права. Въ прежнемъ Поморьѣ не существовало крѣпостной зависимости крестьянъ и тамъ свободные половники сохранили право перехода отъ одного помѣщика къ другому; землевладѣльцы обнаружили было намѣреніе ихъ прикрѣпить, но сенатъ,

дѣятельностью котораго руководилъ самъ Петръ, не допустилъ порабощенія свободныхъ людей. Въ царствованіе Петра, совершенно независимо отъ правомѣрности крѣпостныхъ отношеній, не могло возникать вопроса объ ихъ коренномъ измѣненіи по соображеніямъ практической политики, требовавшей крайняго напряженія личныхъ и податныхъ силъ для осуществленія поставленныхъ себѣ великимъ преобразователемъ историческихъ задачъ. Крѣпостное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ обусловливало обязательство послѣднихъ безпрекословно служить, своего рода крѣпостную зависимость помѣщиковъ отъ государства.

Прямымъ послѣдствіемъ освобожденія шляхетства отъ обязательной службы закономъ 18 февраля 1762 г. должно бы быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Крѣпостное право сохранилось однако еще почти цѣлое столѣтіе, въ качествѣ сословной привилегіи дворянства, уже не имѣвшей оправданія въ соображеніяхъ пользы государственной. Напротивъ того, петля крѣпостной неволи остановила здоровый ростъ нравственныхъ и матерьяльныхъ силъ русскаго народа и, въ связи съ другими неблагопріятными условіями нашего государственнаго и общественнаго строя въ дореформенное время, крѣпостное право стало главной причиной нашей отсталости, за которую мы и расплатились Севастопольскимъ погромомъ.

Екатерина II отлично понимала вредъ крѣпостнаго права для государственной экономіи, а вслѣдствіе гуманитарныхъ тенденцій, обнаруженныхъ ею въ первую половину ея царствованія, она не могла не возмущаться имъ съ точки зрѣнія высшей справедливости и человѣчности.

Въ своемъ наказѣ Екатерина скорбитъ о томъ, что между крестьянами выживаетъ едва четвертая часть рождающихся и что угнетеніе народа, послѣ многихъ вѣковъ рабства, какъ бы вошло въ обычай. Крестьяне, не имѣя ничего своего, видятъ въ земляхъ, которыми владѣютъ, лишь предлогъ къ своему утѣсненію, живутъ въ горькой нищетѣ, все болѣе хирѣютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и вымираютъ отъ нужды, отъ болѣзней. Екатерина говоритъ далѣе, что не можетъ земледѣліе процвѣтать тамъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго. Считая опаснымъ одновременное освобожденіе большаго числа народа, Екатерина была сторонницей мѣръ, направленныхъ къ посте-

пенной отмѣнѣ крѣпостныхъ отношеній. Это видно, какъ изъ наказа, такъ и изъ составленнаго ею проекта закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ людей, рожденныя послѣ 1785 г., должны быть свободными.

Любопытны замѣчанія Екатерины на запискѣ Сумарокова, составленной имъ по поводу наказа и въ которой знаменитый въ то время стихотворецъ обнаруживаетъ себя ярымъ крѣпостникомъ. Сумароковъ пишетъ: — Между крѣпостнымъ и невольникомъ разность, одинъ привязанъ къ земли, а другой къ помѣщику.— „Какъ это сказать можно, отверзите очи!“ замѣчаетъ Екатерина. — Добрые господа всѣ судьи своимъ слугамъ и отдать это (судъ) лучше на совѣсть господамъ, чѣмъ на совѣсть слугамъ.— „Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ считать качества!“ возражаетъ Екатерина. — Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ... и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, для усмиренія которыхъ потребны многіе полки. Теперь же помѣщики живутъ покойно въ своихъ вотчинахъ.— „И отчасти бываютъ зарѣзаны отъ своихъ“, добавляетъ государыня. — Теперь помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, идеализируетъ Сумароковъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ. — „И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“, объясняетъ Екатерина.

Вскорѣ послѣ открытія Вольнаго экономическаго общества (1765 г.) получено было въ немъ отъ неизвѣстнаго лица письмо, подписанное буквами И. Е., въ которомъ ставился такой вопросъ: „Такъ какъ для успѣховъ земледѣлія необходимо, чтобы крестьяне владѣли какою-нибудь собственностью, то не угодно-ли обществу предложить задачу, какого рода можетъ быть эта собственность (имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца)“? Общество не обратило на это письмо никакого вниманія, но въ слѣдующемъ году получено было за той же подписью письмо такого же содержанія съ приложеніемъ тысячи червонцевъ на нужды общества. Тогда стало ясно, что подъ начальными буквами подписи скрывалась сама императрица и общество поспѣшило объявить на всеобщее обсужденіе такую тему: „Что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или

движимое имущество и какъ далеко его права на то или другое имѣніе должны простираться?“ За лучшія сочиненія по этому вопросу назначены были преміи.

Вопросъ, возбужденный русскимъ обществомъ, нашелъ себѣ откликъ преимущественно заграницею, гдѣ крѣпостное право продолжало еще существовать и изъ 162 полученныхъ на заданную тему сочиненій только 7 было русскихъ. Преміи были выданы за два сочиненія, написанныя въ аболюціонискомъ духѣ, — первая за весьма слабое по содержанію, но написанное изящнымъ слогомъ французское сочиненіе доктора правъ Беарде-де-Лабе, а вторая молодому русскому законовѣду Полѣнову, обучавшемуся заграницей, за сочиненіе для того времени весьма замѣчательное. Премируя сочиненія, написанныя въ духѣ желательнаго императрицѣ разрѣшенія, члены общества рѣшили, однако, сочиненіе Полѣнова не печатать, „разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ и найдя въ ономъ многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“.

Форма, въ которой поставлены были Екатериною приведенные вопросы на разрѣшеніе Вольнаго экономическаго общества, весьма недвусмысленно указываетъ на то, что лично государыня не сомнѣвалась въ необходимости предоставить крестьянамъ право поземельной собственности.

Въ коммиссіи уложенія вопросъ о необходимости ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами былъ поднятъ заявленіемъ депутата отъ козловскаго дворянства Коробьина, но не встрѣтилъ сочувствія и предложеніе Коробьина отклонено значительнымъ большинствомъ.

Екатерина уступила сопротивленію дворянъ, имѣя серьезныя основанія не вызывать въ ихъ средѣ неудовольствія. Между тѣмъ въ расчетѣ на содѣйствіе дворянъ, засѣдавшихъ въ коммиссіи уложенія, къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ желательномъ для нея смыслѣ, въ 1767 г. былъ изданъ указъ, воспрещавшій всякія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную каторжную работу. Разрѣшенія крестьянскаго вопроса не послѣдовало, а указъ 1767 г. сохранилъ свою силу.

Пугачевскій бунтъ и потомъ народныя волненія во Франціи остались не безъ вліянія на внутреннюю политику Екатерины.

Въ ее царствованіе не было ничего сдѣлано къ улучшенію быта крестьянъ, а предѣлы примѣненія крѣпостнаго права значительно расширились щедрыми пожалованіями населенныхъ имѣній разнымъ лицамъ, присоединеніемъ новыхъ областей отъ Польши, въ которыхъ крѣпостное право существовало и распространеніемъ его,—въ видахъ объединенія всѣхъ частей имперіи подъ одинаковыми законами,—на Малороссію и весь югъ Россіи съ искони свободнымъ населеніемъ.

Императоръ Павелъ, въ свое краткое царствованіе, издалъ нѣсколько льготныхъ для крестьянъ постановленій, но въ принципѣ былъ повидимому сторонникомъ крѣпостныхъ отношеній, почитая помѣщиковъ за лучшихъ своихъ полицеймейстеровъ.

Александръ I былъ убѣжденнымъ и горячимъ аболюціолистомъ, но его благородныя стремленія къ освобожденію крестьянъ не встрѣтили сочувствія не только въ дворянской средѣ, но и въ ближайшихъ его сотрудникахъ по государственному управленію, а въ самомъ себѣ онъ не находилъ довольно силы воли, чтобы побороть это всеобщее противодѣйствіе.

Впрочемъ, когда Александръ встрѣчался съ посторонней иниціативой, направленной хотя къ частичному достиженію его завѣтнаго желанія, то онъ безъ всякихъ колебаній оказывалъ ей свою могучую поддержку. Такъ было съ проектомъ графа Румянцова о вольныхъ земледѣльцахъ, которые, по мысли составителя проекта, могли бы стать переходною ступенью къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, „которое иное-ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе“.

Записка графа Румянцова была передана на обсужденіе совѣта. Державинъ, который принималъ участіе въ разрѣшеніи этого дѣла въ качествѣ генералъ-прокурора, говоритъ въ своихъ запискахъ, что „всѣ господа члены совѣта, хотя находили сей проектъ неполезнымъ, перешептывались между собою о томъ, но согласно всѣ его одобрили“. Державинъ, чтобы очернить память составителя ненавистнаго ему проекта, даже завѣдомо клевещетъ на него въ своихъ запискахъ. Онъ говоритъ, что Румянцовъ придумалъ дать крестьянамъ средство откупаться отъ своихъ господъ, зная, что это была любимая мысль государя и отпустилъ своихъ крестьянъ, которые никогда не были его крѣпостными людьми, но вольными, поселенными его отцомъ на

земляхъ вновь пріобрѣтенныхъ отъ Порты,—тогда какъ графъ Румянцовъ отпустилъ первый въ вольные хлѣбопашцы крѣпостныхъ крестьянъ изъ своего рязанскаго имѣнія.

Разсмотрѣніе дѣла о вольныхъ хлѣбопашцахъ въ совѣтѣ представляетъ весьма типичный образецъ дѣлопроизводственныхъ порядковъ. Въ данномъ случаѣ предстояло свести на нѣтъ предлагаемую мѣру, не отвергая представленія, которому государь сочувствовалъ, и гг. члены совѣта различили въ предложеніи графа Румянцова два обстоятельства: 1) главную мысль объ увольненіи крестьянъ по условіямъ съ ихъ помѣщиками и 2) образъ, коимъ предполагается произвести ее въ дѣйствіе. Главную мысль совѣтъ одобрилъ. Приведеніе же ея въ дѣйство нашелъ неудобнымъ потому, что мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ разными обстоятельствами такъ, будто бы, усилилось въ умахъ, что „изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ можетъ произвесть превратные толки и, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ установленіе на прежнихъ законахъ и на взаимной пользѣ основанное, многіе помѣщики, пораженные слухами, усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, и крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ“. Генералъ-прокуроръ Державинъ присоединилъ, что „хотя по древнимъ законамъ права на рабство нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвердясь временемъ, сдѣлался столь священнымъ, что прикоснуться къ нему, безъ вредныхъ послѣдствій, великая потребна осторожность“. Совѣтъ полагалъ, не издавая закона, дозволить освобождать крѣпостныхъ людей частно на одно лицо, — тѣмъ не менѣе указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ обнародованъ. Противникомъ освобожденія крестьянъ былъ и Карамзинъ. Сперанскій предлагалъ такой порядокъ реформъ, при которомъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, о ихъ личной свободѣ былъ бы затронутъ послѣ кореннаго измѣненія порядка управленія и установленія учредительныхъ законовъ, то-есть послѣ водворенія свободы политической. Такой очередной порядокъ преобразованій предлагался Сперанскимъ не безъ своекорыстныхъ побужденій, судя по довольно недвусмысленному признанію его въ письмѣ къ Столыпину. Въ письмѣ этомъ по поводу слуховъ объ освобожденіи крестьянъ, вызванныхъ рѣчью, произнесенною государемъ въ

Варшавѣ, Сперанскій говоритъ, что препятствуетъ этому и онъ не менѣе другихъ, „отваживая Хаценевку, т. е. 30,000 годоваго дохода“.

Окруженный совѣтниками, враждебными всякому улучшенію участи крестьянъ, Александръ I проявляетъ свои освободительныя тенденціи лишь въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, какъ сохраненіе, вопреки мнѣнія государственнаго совѣта, свободы отъ помѣщичей власти за нижними воинскими чинами, освобожденіе таврическихъ яссыръ, улучшеніе положенія остзейскихъ крестьянъ. Даже эти скромныя освободительныя мѣры возбуждали каждый разъ настоящую панику среди дворянъ.

Императоръ Николай I, подобно брату, былъ рѣшительнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Въ его царствованіе учреждалось шесть секретныхъ комитетовъ для обсужденія крестьянскаго вопроса. Попытки эти привели къ закону 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, къ разрѣшенію помѣщикамъ отпускать на волю дворовыхъ за выкупъ, о разрѣшеніи крестьянамъ выкупаться при продажѣ ихъ съ публичнаго торга. Всѣ эти мѣры имѣли весьма ограниченное примѣненіе. Николай I возлагалъ большія надежды на законъ объ обязанныхъ крестьянъ, какъ на средство для постепенной отмѣны крѣпостныхъ отношеній, — но воспользовались имъ только три помѣщика: князь Воронцовъ, отпустившій 492 души, князь Витгенштейнъ 662 души, и графъ Михаилъ Потоцкій, уволившій 15,052 души мужскаго пола и 14,785 женскаго пола. Мысль свою о принудительномъ увольненіи всѣми помѣщиками своихъ крестьянъ въ обязанные, Николай I не привелъ въ исполненіе.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной неволи принадлежитъ личной иниціативѣ императора Александра II, который поставилъ удовлетвореніе этой важнѣйшей потребности русской государственной жизни внѣ зависимости отъ настроенія дворянской среды.

Отношеніе дворянства къ этой реформѣ будетъ видно изъ слѣдующей, приводимой въ буквальномъ изложеніи, записки министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, поданной государю въ Августѣ 1859 г.[1]).

„Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародова-

[1]) Записка эта напечатана была въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г., №№ 7 и 8.

нія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія — совершенной потери собственности... Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи... Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 45 губернскихъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1,377, изъ числа коихъ, можно положительно сказать, едва-ли одна десятая доля занималась предложеннымъ вопросомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ... Въ большинствѣ представленныхъ комитетами проектовъ не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразилось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проектовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ и земли ихъ останутся безъ рукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны комитеты вдались въ мелочныя подробности, напримѣръ, опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы... Нѣтъ также примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ, — и, наоборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны бы отразиться мѣстныя различія, а именно въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ, напримѣръ, астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ с.-петербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства...

Первое мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергнуть ихъ безуслов-

ному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты первою статьею своихъ положеній единогласно постановили отрѣченіе отъ крѣпостнаго состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, тамбовскомъ, въ большинствѣ: тульскаго, рязанскаго, владимірскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго и новгородскаго.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніемъ бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную вашему величеству безъименную записку подъ литерою А., въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и выхваляя свободу труда, желаютъ всячески ограничить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ, а, если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, даже совсѣмъ не хочетъ употребить слова надѣлъ, а называетъ его наймомъ. Или же, напримѣръ, ярославскій комитетъ, который изъявляетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 руб.

за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настоящее время не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію подобно англійской и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности, на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленіе крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полеваго угодья, оставляются за помѣщикомъ, подъ именемъ вотчинныхъ правъ, особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству, права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привилегіи на западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе, есть со стороны этого направленія только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія, весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различія времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, особахъ, и въ нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о вотчинныхъ правахъ первоначально возбужденъ былъ въ с.-петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и, можно сказать, меньшинство тверскаго комитета, большинство харьковскаго и кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго".

19 Февраля 1861 г. дворянство лишилось самой существенной изъ своихъ привилегій, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, ни одно изъ опасеній защитниковъ крѣпостнаго права не оправдалось. Уже не говоря о томъ, что никакихъ злоупотребленій свободою крестьяне не обнаружили, но не послѣдовало и того разоренія помѣщиковъ, котораго такъ страшилось большинство дворянъ. Дѣло въ томъ, что съ крѣпостной неволей пали и тѣ узы, которыя сдерживали нормальный ростъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ всего русскаго народа и этимъ всеобщимъ оживленіемъ воспользовалось прежде всего дворянство, какъ наиболѣе образованный и просвѣщенный классъ населенія, получившій широкую возможность для приложенія интелигентнаго труда на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ.

Отмѣна дароваго труда крѣпостныхъ крестьянъ измѣнила, конечно, условія помѣщичьяго хозяйства, успѣхъ котораго, какъ и всякой промышленной дѣятельности, сталъ въ зависимость отъ труда, предпріимчивости и умѣлости землевладѣльца. Но прекращеніе крѣпостныхъ отношеній, само по себѣ, не было причиной ущерба для имущественной состоятельности помѣстнаго дворянства,—тѣмъ болѣе, что выкупные платежи давали необходимый, для продолженія хозяйства на новыхъ основаніяхъ, оборотный капиталъ. Отсутствіе такого ущерба доказывается прогрессивнымъ увеличеніемъ, со времени освобожденія крестьянъ, цѣнности дворянской поземельной собственности, процвѣтаніемъ весьма многихъ дворянскихъ имѣній, собственники которыхъ занимаются хозяйствомъ лично, и содержаніемъ крестьянами въ арендѣ земель тѣхъ дворянъ, которые сами не могутъ или не хотятъ хозяйничать (крестьяне нанимаютъ болѣе половины земель личнаго владѣнія).

О личныхъ правахъ дворянства, сохранившихъ значеніе сословныхъ привилегій, до настоящаго времени.

Изъ личныхъ правъ дворянства сохранили, до настоящаго времени, значеніе сословныхъ привилегій, только слѣдующія.

Право на гербы.

Право именоваться названіемъ своихъ имѣній.

Право канцелярскихъ служителей дворянскаго происхожденія на сокращенный срокъ для производства въ первый классный чинъ.

Дворянамъ, такимъ образомъ, никакихъ существенныхъ сословныхъ привилегій личнаго характера болѣе не принадлежитъ,— и это не потому, чтобы какой-либо законъ лишилъ ихъ личныхъ преимуществъ ихъ званія, а вслѣдствіе того, что сословные прерогативы дворянъ обратились въ права, предоставленныя другимъ гражданамъ русскаго государства. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и отмѣна крѣпостныхъ отношеній.

Личное порабощеніе крестьянъ помѣщикамъ не имѣло, какъ мы видѣли, юридическаго основанія ни въ положительномъ законѣ, ни въ правѣ завоеванія, ни, наконецъ, въ добровольномъ подчиненіи по гражданской сдѣлкѣ (древне-русская кабала). Поэтому освобожденіе крестьянъ было возстановленіемъ безспорнаго и прирожденнаго русскому человѣку права на личную свободу, а надѣленіе крестьянъ землею совершилось путемъ выкупа опредѣленнаго количества земли у помѣщиковъ, имѣвшаго значеніе экспропріаціи частной собственности для государственной потребности за справедливое вознагражденіе.

Б. Корпоративныя привилегіи дворянства.

До Петра Великаго служилые люди не могли составить мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Ихъ главнымъ и обязательнымъ занятіемъ была служба государственная и въ помѣстьяхъ своихъ они имѣли лишь временное пребываніе, пока не потребуютъ въ войска или не нарядятъ на иное государево дѣло.

Собравъ служилыхъ людей въ общественную группу, создавая шляхетское сословіе, Петръ дѣлаетъ попытку придать ему мѣстное землевладѣльческое значеніе. Намѣреніе это обнаружилось уже въ 1702 г., когда упразднены были губные старосты и сыщики и указано было воеводамъ вѣдать дѣла съ дворянами, избираемыми помѣщиками и вотчинниками въ числѣ отъ двухъ

до четырехъ лицъ, глядя по значенію города, „и дѣла чинить тѣмъ воеводамъ обще съ дворянами и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ, безъ нихъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить". Ознакомившись съ корпоративнымъ строемъ остзейскаго рыцарства и его преобладающимъ участіемъ въ мѣстномъ управленіи, Петръ рѣшилъ пересадить прибалтійскіе порядки на русскую почву. Въ 1713 г. учреждены были въ губерніяхъ ландраты, которые должны были всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ съ губернаторомъ, который поставленъ надъ ними „не яко властитель, но яко президентъ", имѣвшій два голоса противъ одного голоса каждаго ландрата. Въ 1715 г. создана должность земскаго коммисара, по одному на ландритскій участокъ (5,536 дворовъ), на котораго впослѣдствіи, кромѣ взысканія податей, были возложены самыя разнообразныя обязанности по мѣстной полиціи и благоустройству.

Стремленіе Петра Великаго вызвать въ шляхетствѣ интересъ къ дѣлу мѣстнаго управленія не имѣло никакого успѣха. Для образованія мѣстныхъ шляхетскихъ обществъ существовало въ то время и матерьяльное препятствіе въ обязательной государственной службѣ, отвлекавшей большинство дворянъ отъ пребыванія въ помѣстьяхъ и занятія мѣстными дѣлами. Но задуманное Петромъ мѣстное шляхетское управленіе на выборномъ началѣ не могло привиться у насъ главнымъ образомъ потому, что оно противорѣчило нравамъ и понятіямъ служилаго класса при совершенномъ отсутствіи въ немъ всякаго корпоративнаго духа. Благородное шляхетство также усердно уклонялось отъ участія въ мѣстномъ управленіи, какъ и отъ коронной службы. Оно тяготилось даже личнымъ участіемъ въ выборахъ на такую важную должность, какъ земскаго коммисара и, несмотря на строгія запрещенія, помѣщики посылали на эти выборы своихъ прикащиковъ. Ландратскія коллегіи были отмѣнены указомъ 1727 г. какъ служившія не только „къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной".

Съ освобожденіемъ шляхетства отъ обязательной службы, оно могло безпрепятственно осѣсть въ своихъ имѣніяхъ, стать осѣдлою частью мѣстнаго населенія. Возможностью этой оно широко воспользовалось, если вѣрить Екатеринѣ II, которая въ

перепискѣ съ графомъ Сегюромъ (1773 г.) свидѣтельствуетъ, что на службѣ состоитъ меньшая часть дворянства, а большинство ихъ живетъ въ своихъ имѣніяхъ, губернскихъ городахъ и столицахъ. Тогда стала возможной организація дворянства съ привлеченіемъ его къ участію въ мѣстномъ управленіи.

Екатерина II задумала обширный планъ систематическаго преобразованія губернскаго управленія на началахъ раздѣленія вѣдомствъ и отдѣленія суда отъ администраціи. Екатерина, при всемъ своемъ либерализмѣ, была человѣкомъ своего вѣка. Она выросла въ преданіяхъ существовавшаго въ Западной Европѣ сословнаго строя и ее передовыя и гуманитарныя воззрѣнія на задачи государственнаго управленія отлично уживались съ представленіемъ о неприкосновенности исторически сложившихся на западѣ сословныхъ порядковъ. Кореннаго различія между этими порядками и сословнымъ строемъ русскаго государства она не признавала. Она думала или хотѣла заставить другихъ думать, что дворянство въ Россіи, еще до жалованной граматы, могло похвалиться такими драгоцѣнными правами, какими дворяне пользовались въ немногихъ другихъ странахъ. Для примѣра укажемъ на полемику ее съ аббатомъ Шаппъ д'Отерошемъ, который говорилъ въ своемъ „Путешествіи въ Сибирь“ (1761 г.), что „русское дворянство, закабаленное въ ужасное рабство, вымѣщаетъ его на всемъ народѣ“;—въ жару спора Екатерина утверждаетъ, что дворянство въ каждой области всегда составляло сословное цѣлое. Во всякомъ случаѣ Екатерина, подобно Петру Великому, въ своемъ государственномъ строительствѣ придерживалась иностранныхъ образцовъ; сохраненіе національной самобытности при реформѣ учрежденій еще не входило въ задачи внутренней политики того времени. Такія воззрѣнія отразились и на составленномъ Екатериною планѣ устройства мѣстнаго управленія.

Въ 1766 г. Екатерина созываетъ помѣстное дворянство для выбора уѣздныхъ предводителей и депутатовъ въ коммиссію составленія новаго уложенія.

Предводитель избирался на два года и долженствовалъ руководить дворянствомъ уѣзда при предстоявшемъ выборѣ депутата въ коммиссію, а также въ случаѣ другихъ требованій верховной власти.

Отсюда пошло дворянское самоуправленіе, а потому любопытно отмѣтить, какъ отнеслось дворянство къ почину правительства собрать его въ уѣздныя общества. Какъ и слѣдовало ожидать, болѣе просвѣщенное меньшинство сочувственно отозвалось на призывъ императрицы и воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ свободнаго выраженія своего мнѣнія въ коммиссіи уложенія для выясненія, съ своей точки зрѣнія, не только нуждъ сословныхъ, но и потребностей страны. Значительное же большинство очевидно не поняло важнаго значенія правительственнаго начинанія. Судя по количеству подписей на наказахъ дворянскимъ депутатамъ, для выбора ихъ не только не съѣхались всѣ наличные помѣщики, но во многихъ уѣздахъ явилось на съѣздъ ничтожное число мѣстныхъ дворянъ. Была даже попытка отказа отъ участія въ выборѣ, основаннаго на манифестѣ Петра III объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы.

Собравшись по уѣздамъ, дворяне сознали свою разрозненность, отсутствіе между собою всякой общественной связи; дворяне ощутили потребность періодически собираться для обсужденія своихъ сословныхъ дѣлъ и интересовъ; они признали, наконецъ, нужнымъ имѣть свое постоянное сословное представительство. Соотвѣтственно этому мы встрѣчаемъ въ различныхъ наказахъ дворянскимъ депутатамъ требованія объ устройствѣ по уѣздамъ дворянскихъ обществъ, объ установленіи періодическихъ собраній дворянства и о предоставленіи права избирать постояннаго предводителя, ландратовъ, коммиссаровъ, судей.

Всѣ эти требованія, вполнѣ соотвѣтствовавшія намѣреніямъ Екатерины, были широко удовлетворены при изданіи въ 1775 г. учрежденія о губерніяхъ и затѣмъ жалованной дворянству граматы въ 1785 г.

Собранію дворянъ, какъ органу дворянскаго общества, были предоставлены: право избранія должностныхъ лицъ дворянскаго сословнаго управленія и мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій; право представленія о нуждахъ и пользахъ дворянства; право самообложенія и право повѣрки дворянской родословной книги.

Выборы должностныхъ лицъ составили, конечно, важнѣйшій предметъ дѣятельности дворянскихъ собраній, а выборная служба

въ мѣстныхъ учрежденіяхъ была самымъ существеннымъ изъ предоставленныхъ дворянству правъ.

Хотя учрежденіе о губерніяхъ, установивъ сословную подсудность, предоставило каждому сословію выбирать членовъ въ свои сословные суды, но самыя обширныя въ этомъ отношеніи права получило дворянство. Его преобладающее значеніе при отправленіи мѣстнаго правосудія было еще усилено послѣ упраздненія нѣкоторыхъ инстанцій сословнаго суда при Павлѣ I, а съ предоставленіемъ дворянству, по закону 1831 г., избирать предсѣдателей судебныхъ палатъ, мѣстный судъ былъ вполнѣ отданъ въ руки дворянскаго общества.

По закону 1775 г. при уѣздномъ судѣ учреждена, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, дворянская опека.

Въ вѣдѣніи дворянства состояла и земская полиція. Нѣкоторое ограниченіе корпоративныхъ правъ дворянства по образованію состава полиціи послѣдовало въ 1837 г., когда становые пристава стали назначаться губернскими правленіями при извѣстномъ, однако, участіи мѣстнаго дворянства. Въ послѣдующее время дворянство было привлекаемо къ участію въ управленіи по весьма многимъ предметамъ различныхъ вѣдомствъ.

Съ 1808 г. депутаты отъ дворянства стали назначаться въ учрежденныя по городамъ квартирныя коммиссіи (въ Кіевѣ съ 1806 г.).

Въ 1811 г. была учреждена для мѣстныхъ дворянъ должность смотрителя уѣзднаго училища, а въ 1828 г. дворянство — съ учрежденіемъ званія почетнаго попечителя гимназіи — было пріобщено къ заботамъ правительства о среднемъ образованіи.

Съ учрежденіемъ въ 1817 г. совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, въ составъ его вошли шесть членовъ отъ дворянства с.-петербургской губерніи; впослѣдствіи дворянство получило право избранія директоровъ въ нѣкоторыя губернскія конторы коммерческаго банка.

Въ 1834 г. учреждены были коммиссіи народнаго продовольствія, въ составъ которыхъ, кромѣ губернскаго и одного уѣзднаго предводителя, входилъ избираемый дворянствомъ непремѣнный членъ, а для наблюденія на мѣстѣ за исправнымъ содержаніемъ магазиновъ дворянство избирало особыхъ попечителей.

Въ 1839 г. учреждены должности посредниковъ по межеванію, избираемыхъ дворянствомъ отъ одного до трехъ на уѣздъ.

Въ 1845 г. дворянству предоставлено избирать депутатовъ въ столичныя окружныя правленія путей сообщенія, а въ 1851 г. въ губернскія строительныя и дорожныя коммиссіи.

Послѣ преобразованія, — въ царствованіе Александра II, — суда, полиціи и мѣстныхъ учрежденій, сохранились до настоящаго времени слѣдующія корпоративныя права дворянства:

Выборъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, причемъ компетенція послѣднихъ значительно расширена, но внѣ сферы сословныхъ дворянскихъ интересовъ.

Выборъ попечителей гимназій.

Завѣдываніе, подъ контролемъ короннаго суда и губернскаго правленія, опекою надъ несовершеннолѣтними дворянами.

Завѣдываніе или участіе въ управленіи воспитательными и благотворительными учрежденіями, созданными на дворянскія складки.

Право самообложенія, усиленное въ послѣднее время правомъ обложенія всякихъ недвижимыхъ имуществъ личныхъ дворянъ.

Право представленій и жалобъ начальству и подачи всеподданнѣйшихъ прошеній государю, которыя, согласно закону 1831 г., могутъ быть адресуемы въ собственныя Его Величества руки.

Оцѣнивая реформу мѣстныхъ учрежденій, совершенную Екатериною II, мы видимъ, что планъ совершеннаго ею преобразованія отличался большой цѣльностью, однородностью, гармоничною согласованностью въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ; онъ захватывалъ всѣ отрасли управленія и суда, проводя довольно послѣдовательно принципъ отдѣленія администраціи отъ суда Одинаковый порядокъ управленія и отправленіе правосудія долженъ былъ, по мысли Екатерины, распространяться на всю территорію имперіи, безъ всякихъ изъятій, — она ввела его и въ остзейскихъ губерніяхъ, считая свою организацію мѣстныхъ властей и сословныхъ порядковъ усовершенствованіемъ относительно условій общественнаго быта и порядка управленія существовавшихъ въ то время на западѣ. И дѣйствительно — по своему духу, реформа Екатерины была въ значительной степени выраженіемъ гуманныхъ политическихъ воззрѣній лучшихъ умовъ XVIII вѣка. Знаменитый наказъ, въ которомъ Екатерина пред-

указывала общія основанія задуманнаго ею преобразованія, повторяя ученіе о законахъ Монтескье, выражалъ мнѣнія столь передовыя и либеральныя по понятіямъ правящихъ сферъ въ другихъ странахъ Европы, что обращеніе его было запрещено во Франціи.

Вліяніемъ идей Монтескье на Екатерину, въ связи съ воззрѣніями вѣка, объясняется также объемъ политическихъ привилегій, предоставленныхъ русскому дворянству, которое въ то время совмѣщало въ себѣ все независимое земельное владѣніе, все земство. По ученію Монтескье, дворянство есть та посредствующая между монархомъ и народомъ политическая сила, которая дѣлаетъ монархію умѣренной, закономѣрной, отличной отъ деспотіи и республики [1]).

Какъ же осуществилась реформа Екатерины на практикѣ? какіе оказались результаты дѣятельности созданныхъ ею учрежденій? какъ справилось дворянство съ предоставленной ему руководящей и правящей ролью?

Смотря на Екатерининскую реформу съ точки зрѣнія современныхъ понятій объ условіяхъ правильной и практически полезной организаціи общественныхъ элементовъ и властей намъ теперь ясно видны ея принципіальные недостатки.

Призывая дворянство и другія сословія къ отправленію правосудія и къ дѣятельному участію въ мѣстномъ управленіи, установляя сословно-выборный порядокъ замѣщенія должностей, Екатерина еще не вызываетъ тѣмъ самымъ къ жизни учрежденій мѣстнаго самоуправленія, — если понимать подъ самоуправленіемъ выдѣленіе, въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, извѣстной категоріи дѣлъ мѣстнаго значенія въ самостоятельное веденіе населенія.

Въ дѣйствительности Екатерина возстановляетъ для помѣстнаго дворянства, не состоящаго на государственной службѣ, обязательство служить въ мѣстныхъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, призывая къ этой служебной повинности и лицъ другихъ состояній. Самое собраніе дворянства получило до извѣстной степени чиновный характеръ. Чтобы принадлежать къ нему, недостаточно быть потомственнымъ дворяниномъ, надо

---

[1]) Montesquieu. De l'esprit des lois, livre II chapitre IV.

обязательно имѣть и чинъ. Дворянамъ присвоенъ чиновный мундиръ.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что вѣденію выборныхъ отъ сословій предоставлены были — судъ, полиція и опека малолѣтнихъ, — то-есть тѣ именно предметы, для завѣдыванія которыми менѣе всего пригодны сословно-выборныя учрежденія.

Успѣшное отправленіе правосудія требуетъ возможно полной независимости судей, между прочимъ и отъ мѣстныхъ вліяній, что недостижимо при срочномъ ихъ избраніи на сословныхъ выборахъ.

Полицейская служба требуетъ, напротивъ того, безусловнаго личнаго подчиненія чиновъ полиціи въ инстанціонномъ порядкѣ и свободы выбора начальствомъ отдѣльныхъ агентовъ, соотвѣтственно особенностямъ этого рода службы. Но независимость отъ мѣстныхъ вліяній и здѣсь имѣетъ весьма важное значеніе.

Опека надъ сиротами, сопряженная съ заботами о ихъ воспитаніи и рачительномъ управленіи ихъ имуществомъ, обусловливаетъ родственную близость опекуна къ малолѣтнему, контроль ближайшихъ родственниковъ и такого правительственнаго учрежденія, личный составъ котораго соединялъ-бы всѣ гарантіи безупречной честности съ профессіональнымъ знаніемъ гражданскихъ законовъ. Этому послѣднему требованію, во всякомъ случаѣ, не удовлетворяютъ сословныя опеки.

Эти принципіальные недостатки Екатерининскихъ учрежденій, организація которыхъ находитъ себѣ, впрочемъ, объясненіе и внутреннее оправданіе въ условіяхъ того времени, — только отчасти вліяли на характеръ и успѣшность ихъ дѣятельности. Гораздо большее значеніе имѣла степень гражданскаго и моральнаго развитія той общественной среды, въ которой этимъ учрежденіямъ предстояло проявлять свою дѣятельность.

На первыхъ порахъ дворянство, по свидѣтельству современниковъ, отнеслось къ дарованнымъ ему выборнымъ правамъ съ энтузьязмомъ, но продолжалось это недолго,— увлеченіе прошло и оно столь же усердно стало уклоняться отъ выборовъ и выборной службы, какъ уклонялось прежде отъ обязательной государственной службы.

Ставъ свободною, государственная служба, особенно въ столицахъ, получаетъ для русскаго дворянства особую привлекатель-

ность и предпочитается службѣ въ мѣстныхъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ по дворянскимъ выборамъ. Это вызвало отливъ значительной части помѣстнаго дворянства въ города.

Дворянство относилось къ своимъ сословнымъ выборамъ весьма безучастно, а въ службѣ выборной искало однихъ лишь матерьяльныхъ выгодъ.

Правительство обращало постоянно вниманіе на уклоненія дворянъ отъ выборовъ и выборной службы и уже въ 1784 г. былъ установленъ штрафъ за самовольную отлучку отъ должностей избранныхъ на нихъ лицъ, а по третьему разу предписано предавать ихъ суду. Продолжавшіяся уклоненія вызвали въ 1802 г. указъ императора Александра I, въ которомъ государь поручаетъ сенату предписать дворянамъ чрезъ ихъ предводителей, что „ему весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностью собираться будутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостаивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага“.

Увѣщанія эти не имѣли успѣха и многія должности, зависѣвшія отъ выборовъ, оставались въ разныхъ губерніяхъ не замѣщенными. Это вызвало въ 1827 г. положеніе комитета министровъ о замѣщеніи такихъ должностей распоряженіемъ губернскаго правленія.

Законъ 1831 г. опредѣлительно признаетъ участіе дворянъ въ выборахъ ихъ обязанностью, отъ которой, до 60-ти-лѣтняго возраста, дворянинъ можетъ освободиться только по законнымъ причинамъ. Неисполненіе этой обязанности наказывается штрафомъ до 250 руб., а при повтореніи въ третій разъ можетъ вызвать исключеніе изъ дворянскаго собранія.

Въ 1832 г. императоръ Николай I издаетъ указъ, въ которомъ выражаетъ надежду, что „дворянство устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей“. Надежда эта, однако, не оправдалась, уклоненія отъ участія въ выборахъ продолжались и въ 1843 г. пришлось опять подтвердить о строжайшемъ соблюденіи закона 1831 г. о взысканіяхъ за неявку на выборы.

Такое отношеніе къ выборамъ отражалось и на качествѣ избираемыхъ лицъ.

Въ 1831 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Закревскій, представляетъ государю, что „дворянскіе выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего назначенія, что званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе. Оттого мѣста сіи чаще всего достаются тѣмъ людямъ, которые или не хотятъ служить, но не изыскали средства избѣгнуть выборовъ, или вовсе неспособны къ службѣ, но не имѣя никакой фортуны, доискивались какой-нибудь должности".

Въ указѣ 1832 г. императоръ Николай I писалъ: „Изъ свѣдѣній доходившихъ до меня я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего *чиновники по судебной части* оказывались не всегда свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ запутанность и упущенія, постановляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона". Послѣ этихъ сѣтованій государя прошло десять лѣтъ и графъ Перовскій пишетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 г.: „Дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. *Чиновники служащіе по выборамъ* нерѣдко менѣе способны и надежны, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства. На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званія земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи".

Званіе исправника было дѣйствительно настолько унижено, что когда требовались заключенія губернаторовъ о преобразованіи уѣзднаго управленія и полиціи, то весьма многіе изъ нихъ предлагали самое наименованіе исправника замѣнить другимъ, вслѣдствіе существующаго въ народѣ и обществѣ противъ нихъ предубѣжденія.

Такое предубѣжденіе возникло не даромъ. Оно вызвано было нетолько злоупотребленіями, безсмысленнымъ формализмомъ, пре-

восходившею всякое вѣроятіе медленностью и бездѣятельностью прежнихъ сословно-выборныхъ учрежденій,—его породило также отсутствіе чувства собственнаго достоинства въ избиравшихся на разныя должности представителяхъ сословной корпораціи, ихъ унизительнымъ подобострастіемъ не только въ отношеніяхъ къ начальству, но и ко всѣмъ сколько-нибудь состоятельнымъ и вліятельнымъ помѣщикамъ въ уѣздѣ. Услугами ихъ пользовались, но въ душѣ ихъ презирали.

Органическая реформа императора Александра II, при всѣхъ ея недостаткахъ или, лучше сказать, недостаточности, недодѣланности, — была во всякомъ случаѣ струей свѣжаго воздуха, пущенной въ затхлую атмосферу сословно-канцелярскихъ учрежденій прежняго времени.

IV.

Дворянство и чины.

Сословное значеніе дворянства опредѣляется его служилымъ характеромъ, а потому на личный составъ его преобладающее вліяніе всегда имѣло и нынѣ обнаруживаетъ существующее у насъ учрежденіе чиновъ.

Чтобы намъ яснѣе представилось современное значеніе этого учрежденія, припомнимъ его происхожденіе и послѣдовательное развитіе.

Чины въ московскомъ государствѣ.

Колыбелью служилаго сословія была дружина княжеская, въ составѣ которой старшіе, самые довѣренные члены, съ которыми князь преимущественно совѣтывался, *думалъ*, — получили названіе *бояръ*. Это первый по времени и значенію чинъ въ русскомъ служиломъ сословіи.

Съ усиленіемъ значенія княжеской власти, являются преимущественно въ качествѣ царедворцевъ—*окольничіе*. Они распоряжаются въ дворцовыхъ церемоніяхъ, ѣдутъ впереди государя во время его путешествія, все приготовляя на станахъ. Впослѣдствіи окольничество потеряло значеніе должности и приняло значеніе чина, ставъ второю, послѣ боярства, чиновною степенью.

Третьей степенью чиновной іерархіи были *думные дворяне*, т. е. служилые люди, не достигшіе еще боярскаго и окольничьяго чина, но участвовавшіе въ великокняжескомъ совѣтѣ, по старинному выраженію — *жившіе въ думѣ*.

Молодыхъ людей наиболѣе знатныхъ фамилій царь бралъ къ себѣ въ *спальники*. Они, очередуясь, спали человѣка по четыре въ государевой комнатѣ, раздѣвали и обували государя. Члены

первостепенныхъ родовъ жаловались изъ спальниковъ прямо въ бояре, а второстепенные—въ окольничіе и назывались боярами или окольничими комнатными, ближними.

Число этихъ первыхъ чиновъ было ограничено: бояръ было въ малолѣтство Петра — 51; окольничихъ было 61 въ 1691 г., а думныхъ дворянъ въ 1705 г. осталось 15 человѣкъ.

Затѣмъ слѣдуютъ *стольники*, — дѣти чиновныхъ лицъ не самаго знатнаго происхожденія, числомъ до 500. По дворцовой службѣ они обязаны носить кушанья къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ назначаютъ послами къ иностраннымъ дворамъ, въ приказы, на воеводства.

За стольниками слѣдуютъ *стряпчіе*, носящіе въ церемоніяхъ стряпню (регаліи); ихъ до 800 человѣкъ и они употребляются на посылки менѣе важныя, чѣмъ стольники.

Потомъ идутъ *дворяне московскіе*, имѣющіе старшинство передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ московскому государству, именуемыхъ въ отличіе отъ нихъ дворянами городовыми. Дворяне не имѣютъ придворныхъ должностей; въ военное время они начальствуютъ въ полкахъ, а въ мирное посылаются въ приказы, по городамъ воеводами, имъ поручается производство слѣдствій и исполненіе другихъ порученій.

Жильцы составляютъ двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дьячьихъ и подьяческихъ дѣтей, изъ которыхъ по сорокъ человѣкъ ночевали на царскомъ дворѣ.

Многочисленная масса *дѣтей боярскихъ* жила по городамъ и помѣстьямъ, обязанная являться на службу по первому требованію.

Наконецъ *дьяки* и *подъячіе* составляютъ классъ служилыхъ людей, пополняемый грамотными людьми всякаго происхожденія, изъ дѣтей боярскихъ, духовенства и крестьянъ. Дьяки и подъячіе— это дѣльцы по письменной части, игравшіе руководящую роль въ управленіи при невѣжественныхъ и безграмотныхъ воеводахъ, послахъ и начальникахъ приказовъ, назначавшихся на эти должности не по заслугамъ и годности, а по сложнымъ исчисленіямъ родовыхъ преимуществъ. Думные дьяки, числомъ до четырехъ, были ближайшими сотрудниками царя по всѣмъ дѣламъ внутренней и внѣшней политики.

Такова была, въ общихъ чертахъ, чиновная организація въ допетровское время.

Чины при Петрѣ Великомъ.

Петръ Великій не упраздняетъ прежнихъ чиновъ, но прекращаетъ производить въ нихъ. Въ 1695 г. повелѣно было не возводить въ стольники, въ стряпчіе и въ дворяне, а въ 1701 и 1703 гг. приказано болѣе въ житье не писать, а наличными жильцами и дѣтьми боярскими комплектовать гвардейскіе полки. Послѣднее возведеніе въ бояре (Петра Апраксина) послѣдовало въ 1709 г., а въ окольничіе (Юшкова) въ 1711 г.

Еще до изданія табели о рангахъ Петръ самъ проходилъ чины съ европейскими названіями (сержанта, бригадира и капитана) и другихъ жаловалъ такими чинами, не только военными, но и гражданскими,—тайнаго совѣтника, тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, надворнаго совѣтника. Чины эти, повидимому, стали нравиться, судя потому, что получившій въ 1709 г. боярское званіе, Петръ Апраксинъ, просилъ въ 1715 г. о „наданіи“ ему графства и чина тайнаго совѣтника.

Коренной переворотъ во всемъ служебномъ и сословномъ строѣ нашего государства былъ произведенъ изданіемъ табели о рангахъ, обнародованной 24 Января 1722 г. Съ нею исчезаютъ безслѣдно послѣдніе признаки столь живучаго въ московскій періодъ родоваго начала въ русскомъ служиломъ сословіи.

Табель о рангахъ установила четырнадцать степеней въ служебномъ положеніи лицъ, состоящихъ на службѣ военной, гражданской и придворной.

Придворные чины лишились своего первенствующаго въ прежнее время значенія и первое мѣсто предоставлено военной службѣ, причемъ установлено точное разграниченіе гражданскихъ и военныхъ чиновъ, не существовавшее въ московскомъ государствѣ.

Табель распредѣлила по рангамъ самыя должности, помимо которыхъ рангъ не игралъ самостоятельной роли.

При такомъ значеніи табели, чинъ тайнаго совѣтника, приравненный рангу генералъ-маіора, былъ учрежденъ какъ гражданская должность. Въ 1724 г. онъ перечисленъ въ третій классъ и учреждены чины статскаго дѣйствительнаго совѣтника въ четвертомъ классѣ и просто статскаго совѣтника въ пятомъ.

Табель опредѣляетъ соціальное преимущество чина, т. е. должности, передъ породой. Рангомъ должности опредѣляются мѣста лицъ обоего пола при богослуженіяхъ и придворныхъ церемоніяхъ, а также нарядъ, экипажъ, число служителей и ихъ ливрея.

Табель о рангахъ узаконяетъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ (оберъ-офицерскимъ для военныхъ и восьмаго класса для статскихъ и придворныхъ). Получившіе эти чины и ихъ законные дѣти „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были".

Относительно прочихъ чиновъ въ табели постановлено, что „оныхъ дѣти не суть дворяне", а жалованная грамата Екатерины II именуетъ ихъ дворянами *личными* и постановляетъ: 1) буде дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ дозволяется просить дворянства дѣйствительнаго и 2) буде отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство и пребывали 20 лѣтъ въ службѣ безпорочно, то внуку дозволяется просить дворянства дѣйствительнаго.

Такимъ образомъ всѣ рѣшительно чины по государственной службѣ, при условіи ея непрерывности, вели къ пріобрѣтенію потомственнаго дворянства, но въ царствованіе Николая I обнаружилось стремленіе слить личныхъ дворянъ съ классомъ городскихъ обывателей, дѣти ихъ стали принадлежать къ почетному гражданству, а имъ самимъ предоставлено право записываться въ пятую часть городовой обывательской книги.

Въ 1845 г., чтобы поднять сословное значеніе дворянства, были впервые повышены чины, дававшіе права потомственнаго дворянства, а съ 1856 г. оно пріобрѣтается только полученіемъ на дѣйствительной службѣ чиновъ полковника, капитана 1-го ранга и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Всѣ эти ограниченія имѣли своимъ послѣдствіемъ нѣкоторое расширеніе круга лицъ просвѣщенныхъ, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству. До того времени понятія дворянина, военнослужащаго, чиновника, землевладѣльца и образованнаго человѣка — почти совпадали, такъ что присвоенныя дворянству сословныя права, были въ сущности принадлежностью всего контингента въ извѣстной мѣрѣ просвѣщенныхъ людей въ Россіи.

Современное значеніе чиновъ.

Законодательство о чинахъ послѣ Петра Великаго уклонилось отъ основной идеи табели о рангахъ, установившей постепенность и іерархію должностей. Чинъ пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе внѣшняго почетнаго отличія, независимаго отъ

должности,— напротивъ того занятіе тѣхъ или иныхъ должностей въ гражданской службѣ ставится въ зависимость отъ чина.

Создается служебный и общественный строй, не имѣющій съ служебными порядками, существовавшими въ московскомъ государствѣ, ни исторической преемственности, ни внѣшняго или внутренняго сходства. Этотъ чиновный строй стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ основной мыслью табели о рангахъ Петра I и не имѣетъ себѣ подобнаго ни съ однимъ изъ другихъ государствъ, несмотря на то, что установленный Петромъ служебный распорядокъ и названія ранговъ заимствованы имъ изъ западной Европы.

Въ Германіи, которую Кантъ называлъ Tittelland за ея пристрастіе ко всякимъ почетнымъ отличіямъ, чины не составляютъ принадлежности всего служилаго класса, а даются въ видѣ награды за продолжительную и полезную дѣятельность на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Отличіе это состоитъ въ именованіи просто совѣтникомъ или тайнымъ совѣтникомъ (Rath, Geheimrath) съ присоединеніемъ названія занятія или профессіи награждаемаго. Такъ, напримѣръ, врачъ возводится въ званіе Medicinalrath'a; правительственный коммиссаръ на минеральныхъ водахъ можетъ достичь званія Badegeheimrath'a. Такихъ различныхъ именованій совѣтниковъ насчитываютъ въ Германіи до 150.

Долгое время существовавшее почти полное тождество чина и дворянскаго званія, служило у насъ могучимъ стимуломъ для привлеченія на государственную службу лицъ всевозможныхъ званій и состояній и въ этомъ отношеніи чины обнаруживали свое полезное дѣйствіе, пока нужно было прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для привлеченія на государственную службу и удержанія на ней пригодныхъ для того лицъ. Надобность въ этомъ давно миновала и спросъ на должности по государственной службѣ значительно превышаетъ предложеніе. Учрежденіе гражданскихъ чиновъ, исполнивъ свое историческое назначеніе, является теперь такимъ анахронизмомъ, который уже не со вчерашняго дня сталъ обнаруживать весьма вредное вліяніе на существующія у насъ общественныя отношенія и служебные порядки.

Чины выдѣляютъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ особое чиновное сословіе или касту. Права, соединенныя съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, уже не слу-

жатъ принадлежностью той или другой должности, а выродились, мало по малу, какъ бы въ сословныя прерогативы особаго чиновнаго міра, въ которомъ градація чиновъ представляетъ рядъ чисто внѣшнихъ отличій, проводящихъ глубокую сословную грань между этимъ чиновнымъ міромъ и остальнымъ населеніемъ государства.

Пока чины существуютъ и служатъ видимымъ признакомъ принадлежности къ высшему сословію въ государствѣ, сословію многочисленному и разношерстному, вмѣщающему въ себѣ лицъ всевозможныхъ общественныхъ положеній,— неимѣніе чина кладетъ печать приниженности на всѣ другіе элементы населенія, къ чиновничеству не принадлежащіе. Даже дворянину, не имѣющему чина, присвоено уничижительное прозвище недоросля и онъ исключается изъ дворянскаго общества наравнѣ съ дворянами зазорнаго поведенія.

При такомъ соціальномъ различіи чиновнаго класса отъ лицъ другихъ состояній, различіи, имѣющемъ въ чинѣ свое наглядное выраженіе, весьма естественно стремленіе переступить эту сословную грань, пріобщиться чиномъ благородному званію. Такимъ образомъ на государственную службу устремляется масса лицъ къ службѣ неспособныхъ или служить нежелающихъ, такъ какъ восхожденіе по лѣстницѣ ранговъ возможно у насъ и безъ исполненія какихъ-либо служебныхъ обязанностей. Этимъ способомъ множество лицъ отвлекается отъ болѣе производительныхъ занятій.

Между тѣмъ чины, сами по себѣ, ровно ничего не прибавляютъ къ внѣшнимъ преимуществамъ и почету государственной службы. Даже самые высокіе изъ нихъ, воспроизводящіе въ вольномъ русскомъ переводѣ нѣмецкія прозванія Geheim- и Staatsrath'овъ, не могутъ льстить самолюбію людей сколько нибудь развитыхъ.

Къ тому же цѣнность всякаго отличія соразмѣряется его рѣдкостью. У насъ же число однихъ гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ, послѣдовательно возрастая, достигло такой цифры, при которой даже высшія чиновныя отличія утрачиваютъ всякое значеніе.

При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 году, у насъ было всего 179 военныхъ и гражданскихъ генераловъ (изъ нихъ 50 нѣмцевъ). Затѣмъ по издаваемымъ герольдіей спискамъ, однихъ гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, значилось: 1 Ок-

тября 1842 г.— 720; 1 Февраля 1867 г.— 1,352; 20 Января 1881 г.— 2,649; 1 Октября 1897 г.— 3,179. Всѣ они, а также „статскіе генералы“ состоящіе въ отставкѣ, съ женами и незамужними дочерьми, слѣдовательно болѣе десяти тысячъ лицъ обоего пола, — пользуются титуломъ „превосходительства“, присвоеннаго во Франціи только министрамъ и посламъ, и служащаго въ другихъ странахъ тоже весьма рѣдкимъ отличіемъ.

Большинство лицъ, состоящихъ въ этихъ высшихъ чинахъ, занимаетъ весьма скромное служебное и общественное положеніе. Въ чинѣ тайнаго совѣтника можно встрѣтить чиновниковъ, обязанности которыхъ могъ бы съ успѣхомъ исполнить всякій толковый служитель не чиновнаго званія; есть и такіе тайные совѣтники, которые достигли этого чина, не исполняя никакихъ обязанностей по государственной службѣ, а управляя домами или завѣдуя дѣлами вліятельныхъ лицъ. Служба въ благотворительныхъ учрежденіяхъ открываетъ также широкій доступъ къ высшимъ чинамъ, за весьма умѣренную плату, не превышающую часто ста рублей въ годъ.

Что же сказать о такихъ почетныхъ званіяхъ, какъ чины регистраторовъ, секретарей и ассессоровъ давно не существующихъ коллегій или совѣтниковъ титулярныхъ? Они не могутъ очевидно служить поощреніемъ даже для начинающихъ чиновниковъ, а для людей, оставившихъ службу и обратившихся къ другимъ занятіямъ до полученія болѣе высокаго чина,— обязательное именованіе въ теченіе всей жизни коллежскимъ ассессоромъ или титулярнымъ совѣтникомъ почитается не безъ основанія незаслуженной обидой.

Всѣ мѣры, въ разное время принимавшіяся и теперь предлагаемыя сторонниками сохраненія чиновъ для поднятія ихъ значенія, не приводили и не могутъ привести къ благопріятнымъ результатамъ.

Поднять значеніе чина можно только, возбранивъ безусловно производство въ высшіе чины лицъ, не занимающихъ должностей соотвѣтствующаго чину класса или разряда, но въ такомъ случаѣ должность и чинъ пріобрѣтутъ одинаковую степень почета и послѣдній станетъ отличіемъ совершенно безполезнымъ для высшихъ чиновъ служебной іерархіи. Для чиновниковъ же, не призванныхъ занимать высокія служебныя положенія, безгра-

ничное пребываніе въ предѣльномъ для нихъ чинѣ будетъ не отличіемъ, а постояннымъ напоминаніемъ служебной неполноправности или непризнанія ихъ личныхъ дарованій и заслугъ.

Вопросъ объ отмѣнѣ гражданскихъ чиновъ возбуждался неоднократно по личной иниціативѣ русскихъ государей, которые вѣрнымъ чутьемъ понимали несостоятельность этого, отжившаго свой вѣкъ учрежденія.

Записка объ отмѣнѣ чиновъ найдена была въ бумагахъ императора Александра I послѣ его кончины. Императоръ Николай I возбуждалъ этотъ вопросъ дважды, въ 1826 и 1846 гг. Императоръ Александръ II вернулся къ нему въ 1856 г., послѣ чего онъ возникъ вновь въ 1883 г. Всѣ разсматривавшіе этотъ вопросъ коммиссіи и совѣщанія высказывались, по существу, въ благопріятномъ для упраздненія чиновъ смыслѣ, но окончательное разрѣшеніе дѣла откладывалось подъ разными предлогами и вслѣдствіе разнообразныхъ вліяній.

Въ настоящее время вопросъ этотъ подлежитъ вновь разрѣшенію въ коммиссіи, учрежденной для пересмотра устава о службѣ гражданской.

Такимъ образомъ надо ожидать въ ближайшемъ будущемъ или совершенной отмѣны гражданскихъ чиновъ или, во всякомъ случаѣ, такихъ ограниченій въ чинопроизводствѣ, которыя приведутъ число лицъ, получающихъ чинъ, дающій потомственное дворянство, въ болѣе или менѣе близкое соотношеніе съ числомъ полагаемыхъ въ четвертомъ классѣ должностей.

Измѣненія эти, въ томъ и другомъ случаѣ, обнаружатъ весьма сильное вліяніе на нашъ сословный строй.

Затрудненія для полученія дворянства чиномъ, а также орденами, въ весьма слабой степени отразятся на самомъ составѣ потомственнаго дворянства, который мало измѣнился бы даже въ томъ случаѣ, если бы доступъ въ это сословіе былъ совершенно закрытъ. Отъ этого не сократился бы количественный составъ дворянства, а уменьшилась бы только прогрессія его дальнѣйшаго приращенія. Что же касается до качественнаго его состава, то никакія мѣропріятія не могутъ устранить его разнородности, принадлежности къ дворянству самыхъ разнообразныхъ элементовъ населенія — отъ фельдмаршала и государственнаго канцлера до простаго хлѣбопашца; отъ князя рюриковой крови

до полудикаго потомка азіятскихъ инородцевъ; отъ милліонера до лицъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности.

Ограниченія къ полученію потомственнаго дворянства службой будутъ имѣть громадное вліяніе на нашъ сословный строй въ другомъ отношеніи. Благодаря имъ будетъ непрерывно увеличиваться классъ людей, къ потомственному дворянству не принадлежащій, но однородный, по уровню просвѣщенія и состоятельности, съ верхнимъ слоемъ сословія дворянъ потомственныхъ.

Въ связи съ этимъ вопросъ о дворянскихъ привилегіяхъ получаетъ особое значеніе.

При предоставленіи такихъ привилегій однимъ потомственнымъ дворянамъ получится такой порядокъ вещей, при которомъ множество безграмотныхъ потомственныхъ дворянъ, промышляющихъ физическимъ трудомъ, получатъ такія политическія права, въ которыхъ будутъ ограничены профессора университетовъ; содержатель гласной кассы ссудъ будетъ пользоваться экономическими преимуществами, въ которыхъ отказано будетъ извѣстному филантропу и гуманисту. Станутъ возможными такія аномаліи, что изъ двухъ братьевъ съ университетскимъ образованіемъ, тотъ изъ нихъ, который изберетъ служебную карьеру, получитъ въ свое время особыя права по мѣстному сословному самоуправленію, въ которыхъ онъ не нуждается, и правъ этихъ будетъ лишенъ другой братъ, посвятившій свою жизнь личному управленію имѣніемъ въ уѣздѣ, въ которомъ онъ имѣетъ и постоянную осѣдлость. Просвѣщенные и состоятельные техники, инженеры, архитекторы, даже агрономы, — участіе которыхъ можетъ быть столь полезно въ мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ уѣзда,—не принадлежа къ потомственному дворянству, воздержатся отъ пріобрѣтенія поземельной собственности, владѣніе которой поставитъ ихъ въ неравноправное съ другими землевладѣльцами положеніе.

Чѣмъ глубже будетъ проникать просвѣщеніе въ толщу русскаго народа, тѣмъ болѣе будетъ расширяться сфера сословной неправомѣрности и можетъ возникнуть, кромѣ указанныхъ несообразностей, такой антогонизмъ сословныхъ интересовъ, такая сословная рознь, которыхъ, благодареніе Богу, Россія еще не знала.

V.

Дворяне и земство.

Сторонники переустройства нашего мѣстнаго управленія на началѣ кастовой обособленности сословій съ возвращеніемъ дворянству утраченныхъ имъ „государственныхъ полномочій“, выступая ненавистниками всей преобразовательной дѣятельности императора Александра II, являются естественными противниками и земскихъ всесословныхъ учрежденій.

Непригодность ихъ для Россіи они видятъ прежде всего въ ихъ безпочвенности. Земскія учрежденія явились будто бы не для удовлетворенія назрѣвшей потребности, а навязаны Россіи, также какъ и другіе органическіе законы шестидесятыхъ годовъ, въ рабское подражаніе западнымъ образцамъ, съ безпощаднымъ пренебреженіемъ къ русской національной самобытности, къ исконнымъ началамъ русскаго государственнаго быта.

Далѣе, согласно этой теоріи, только дворянской средѣ присущи устойчивость политическихъ принциповъ, ясное пониманіе чувства долга и безспорная политическая благонадежность. Поэтому центръ тяжести всего мѣстнаго управленія долженъ перемѣститься изъ земства въ сторону дворянскаго собранія, въ которомъ участвуютъ одни потомственные дворяне.

Наконецъ, по мнѣнію людей этого направленія, практическій опытъ дѣятельности земскихъ учрежденій доказалъ ихъ совершенную непригодность.

Разберемъ эти доводы.

Земство въ московскомъ государствѣ.

Дворянская сословная организація ведетъ свое начало отъ положенія о губерніяхъ 1775 г. и жалованной дворянству граматы 1785 г. Между тѣмъ земство, какъ учрежденіе, и притомъ

учрежденіе безсословное,—вмѣстѣ съ самодержавіемъ русскихъ государей и воинскою повинностью служилыхъ людей, — было однимъ изъ трехъ основныхъ устоевъ государственнаго зданія старо-московской Руси.

Къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ съ наибольшимъ основаніемъ можетъ относиться мѣткое замѣчаніе покойнаго И. С. Аксакова, что въ реформахъ Александра II „чуется родная старина“.

Вторымъ лицомъ послѣ воеводы былъ въ московскомъ государствѣ губной староста; его выбирали всякаго званія люди изъ числа дворянъ или дѣтей боярскихъ. Иногда впрочемъ онъ, безъ выбора, назначался правительствомъ, и тогда случалось, что земство на это жаловалось или указывало царю желательнаго ему кандидата въ губные старосты и просьбы о такихъ назначеніяхъ почти всегда уважались.

Города иногда просили, чтобы воеводъ къ нимъ не посылали, а чтобы былъ у нихъ одинъ губной староста и не получали въ этомъ отказа. На земскомъ соборѣ, бывшемъ по случаю принятія Азова отъ казаковъ (1642 г.), совѣтные люди жаловались, что и во внутреннихъ городахъ были посажены воеводы, тогда какъ прежде сидѣли тамъ губные старосты.

Губными граматами предоставлялось земству творить самому, черезъ своихъ выборныхъ, судъ и расправу, причемъ отъ суда воеводы откупались внесеніемъ на него и тіуновъ годовой платы въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Всесословный характеръ населенія, къ которому обращались губныя граматы, виденъ изъ такого ихъ заголовка (губныя граматы Бѣлозерцамъ и Коргопольцамъ, данныя въ октябрѣ 1539 г.): „князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отченикамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ...“

Многія должностныя лица мѣстнаго управленія выбирались одними земскими людьми и между ними первое мѣсто принадлежало городовому и всеуѣздному головному старостѣ. Староста выбирается одинъ для города и уѣзда, такъ какъ посадскіе люди и крестьяне связаны общими хозяйственными интересами. Въ нѣкоторыхъ городахъ выбиралось нѣсколько земскихъ старостъ. Земскіе старосты съ посадскими и совѣтными людьми отъ

крестьянъ собирались въ земскую избу. Земская изба вѣдала раскладку податей, выборъ окладчиковъ, цѣловальниковъ къ государеву дѣлу, городовое хозяйство и имѣло сужденіе о всѣхъ нуждахъ и пользахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Земскимъ уполномоченнымъ для представленій и жалобъ по начальству и челобитій въ Москву считался земскій староста — онъ бьетъ челомъ за „всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто“.

Воеводѣ запрещалось вмѣшиваться въ выборы, мірскія дѣла и денежные сборы.

Къ земскимъ должностнымъ лицамъ принадлежали городовые прикащики, которыхъ выбирали всей землей изъ дѣтей боярскихъ,—они вѣдали дѣла земскія, полицейскія и финансовыя. Выборными были и участковые начальники въ городѣ и уѣздѣ— десятскіе, сотскіе, пятидесятскіе.

Русскому старинному земству принадлежало въ широкихъ размѣрахъ право жалобъ и представленій по мѣстнымъ дѣламъ и правительство всегда относилось къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ. Земскій головной староста опредѣлялъ мѣру допустимаго кормленія воеводы и если послѣдній эту мѣру переступалъ, то слѣдовало челобитье въ Москву.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о значеніи земства въ московскомъ государствѣ, надо видѣть его въ борьбѣ за сохраненіе національной и государственной самобытности русскаго народа въ тяжелые дни смутнаго времени.

Послѣ сверженія Шуйскаго, во главѣ правительства стала боярская дума. „Всѣ люди“, какъ сказано въ крестоприводной записи, „били челомъ князю Мстиславскому съ товарищами, чтобъ пожаловали, приняли московское государство, пока намъ Богъ дастъ государя“.

Но кому быть государемъ? Какъ къ этому жизненному вопросу отнеслись въ то время различные элементы русскаго народа?

Боярская знать стояла за польскаго царевича Владислава. Она не предвидѣла возможности успѣшно отбиваться и отъ поляковъ, стоявшихъ въ Можайскѣ, и отъ второго Лжедмитрія, занимавшаго Коломенское. Кромѣ того, побуждаемые родовою враждою и завистью, эти старшіе чины московскаго государства не хотѣли видѣть царемъ своего брата боярина, что прямо и объявилъ князь Мстиславскій. Поэтому правящіе бояре торопятъ

гетмана Жолкевскаго, чтобы скорѣе занималъ Москву. Они шлютъ граматы посламъ, митрополиту Филарету и князю Голицыну, отправленнымъ къ польскому королю для переговоровъ, чтобы тѣ исполняли всѣ требованія Сигизмунда, причемъ подразумѣвалось главнымъ образомъ прекращеніе геройской защиты Смоленска. Князь Голицынъ отвѣчаетъ, что исполнить такое великое дѣло не можетъ по требованію однихъ бояръ, безъ согласія патріарха, собора и всѣхъ людей московскаго государства. Тогда бояре шлютъ о томъ же грамату самому смоленскому воеводѣ Шеину.

Въ граматѣ Сигизмунду бояре именуются его государственными вѣрными подданными.

Иные бояре и служилые люди передались тушинскому вору, ища служебныхъ выгодъ и приращенія своей родовой чести, соглашаясь впрочемъ перейти на сторону польскаго царевича, если имъ будутъ подтверждены полученныя ими отъ Лжедмитрія преимущества. Поляки склонялись къ исполненію этой просьбы, но этому воспротивились бояре московскіе.

Тѣмъ временемъ на защиту русскаго государства отъ порабощенія инородцами и иновѣрцами стало подниматься, съ благословенія духовенства, всенародное земство.

Выразителемъ общаго настроенія явился одинъ изъ нижегородскихъ земскихъ старостъ — Кузьма Мининъ-Сухорукій, мясной торговецъ. Онъ съумѣлъ не только воодушевить своихъ согражданъ, но, какъ человѣкъ извѣданный въ дѣлахъ земскаго управленія, явился искуснымъ организаторомъ ополчившихся земскихъ силъ. Онъ вызвалъ обильныя пожертвованія, приглашая даже „дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать“. Онъ же нашелъ для собранной рати искуснаго военачальника въ лицѣ захудалаго и малочиновнаго князя, стольника Пожарскаго.

По другимъ городамъ были посланы граматы и толпы служилыхъ людей стали соединяться съ ополченіемъ Пожарскаго, а посадскіе люди везли денежную казну. Такимъ только общимъ усиліемъ земскихъ силъ государства, Россія избѣгла опасности, угрожавшей самому ея историческому бытію.

И сколько геройства проявили эти земскіе люди въ упорной защитѣ своихъ городовъ — Новгорода, Пскова, Владиміра, Устюжны и др., въ особенности Смоленска,— гдѣ послѣ вынужден-

ной боярами сдачи города полякамъ, жители заперлись въ соборной церкви, зажгли находившійся въ погребахъ порохъ и взлетѣли на воздухъ, подобно сагунтинцамъ, говорятъ польскіе историки.

Общественное мнѣніе земскихъ людей,— земли,— имѣло въ въ московскомъ государствѣ немаловажное значеніе.

Іоаннъ IV съ лобнаго мѣста изобличалъ передъ собранными со всей земли людьми всякаго чина злоупотребленія своихъ бояръ. Покинувъ Москву, Іоаннъ пишетъ изъ слободы Александровской гостямъ и всему православному христіанству Москвы „чтобы они о себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ". Гости и всѣ горожане просили царя, чтобы онъ государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей, а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ.

Борисъ Годуновъ не стѣсняется съ боярами. Преслѣдуя ихъ своею подозрительностью, онъ казнитъ ихъ, пытаетъ, постригаетъ въ монахи, ссылаетъ,— а въ народѣ заискиваетъ, благотворитъ, старается поразить своей щедростью, но задобрить народъ ему не удается. Между нимъ и землей стоитъ тѣнь царевича Дмитрія, загубленнаго имъ для удовлетворенія безмѣрнаго честолюбія. Эта тѣнь воплотится въ образѣ Лжедмитрія и въ пересыльныхъ граматахъ земскихъ людей въ смутное время царя Бориса будутъ выставлять виновникомъ смуты, какъ человѣка „прекратившаго благородный корень царскаго поколѣнія".

Василій Шуйскій, несмотря на поддержку патріарха, никакимъ авторитетомъ въ народѣ не пользуется, его низлагаютъ и насильно постригаютъ безъ всякаго угрызенія совѣсти, безъ сознанія о нарушеніи вѣрноподданическаго долга,— такъ какъ Шуйскаго не земля выбирала, а выкликали его въ цари на площади его сторонники.

Первымъ дѣломъ послѣ очищенія государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ починомъ и подвигомъ всего земства, было избраніе царя всей землей. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ выбранъ соборомъ изъ съѣхавшихся въ Москву духовныхъ властей и представителей отъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей,— и корень его прочно укрѣпился на русскомъ престолѣ.

Въ его царствованіе и при его преемникѣ, всѣ важнѣйшія внутреннія и внѣшнія дѣла обсуждались на соборахъ и рѣшались съ совѣта лучшихъ выборныхъ земскихъ людей.

Мы понимаемъ, конечно, что послѣ радикальной реформы Петра Великаго было бы безполезно искать происхожденіе современныхъ намъ учрежденій въ условіяхъ общественнаго и государственнаго быта до петровской Руси. Но первообразъ земскихъ учрежденій во всякомъ случаѣ существовалъ въ московскомъ государствѣ и существовалъ нѣсколько столѣтій, чего нельзя сказать о нашихъ сословныхъ учрежденіяхъ и сословныхъ отношеніяхъ, которыя возникли на почвѣ крѣпостнаго права, табели о рангахъ и подушной подати.

Гегемонія потомственныхъ дворянъ въ противоположеніи земству.

Особливая пригодность для мѣстнаго самоуправленія дворянъ потомственныхъ выводится сторонниками сословной теоріи, — придерживаясь аргументаціи ихъ главнаго органа въ періодической печати, — изъ того положенія, что слабую сторону людей, лишенныхъ довоспитывающаго и облагораживающаго вліянія дворянской среды, „какъ показываетъ намъ исторія Россіи“, составляетъ „неустойчивость политическихъ принциповъ, смутное пониманіе чувства долга и отсутствіе безграничной преданности монарху“.

Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не замѣчается въ другихъ странахъ и эти антисоціальные принципы составляютъ, такимъ образомъ, прирожденныя свойства только русскаго народа, отъ которыхъ свободны въ Россіи только люди дворянской породы. Но корни русскаго дворянства лежатъ болѣе или менѣе глубоко въ томъ-же народѣ, а потому этихъ публицистовъ можно-бы спросить, въ какомъ поколѣніи русскій дворянинъ освобождается отъ прирожденной тары своего происхожденія? А также: какъ согласовать съ такими воззрѣніями назначеніе еще въ прошлое царствованіе министрами людей, которые, родившись въ духовномъ званіи, не имѣли даже одного поколѣнія сословнаго „благородства“?

Какъ общее правило нельзя конечно отвергать благотворнаго вліянія воспитанныхъ и просвѣщенныхъ родителей на умственное и нравственное развитіе ихъ дѣтей, — но совершенно очевидно, что сословное происхожденіе тутъ не играетъ ровно никакой роли. Что-же касается до политической благонадежности,

то „какъ показываетъ намъ исторія Россіи“, безграничной преданностью своимъ государямъ отличался весь русскій народъ безъ различія состояній; крамола-же, какъ исключеніе, чаще вила себѣ гнѣздо въ верхнихъ слояхъ населенія.

Въ этомъ постоянномъ противоположеніи дворянъ земству нельзя не видѣть или очевиднаго недоразумѣнія, или умышленнаго отвода глазъ отъ фактовъ совершенно очевидныхъ.

Съ перваго дня введенія земскихъ учрежденій въ дѣйствіе, руководящая роль въ ихъ дѣятельности принадлежала фактически мѣстному поземельному дворянству, а при пересмотрѣ земскаго положенія въ 1890 г., преобладаніе это получило юридическую санкцію. Теперь, при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ въ сословномъ составѣ землевладѣнія, дворянамъ обезпечено значительное большинство голосовъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, а такъ какъ гласные въ губернское собраніе избираются на уѣздныхъ собраніяхъ по большинству голосовъ, то отъ дворянъ зависитъ не пустить въ губернское собраніе ни одного гласнаго изъ землевладѣльцевъ, къ дворянству не принадлежащихъ.

При такомъ преобладаніи дворянства въ земствѣ, упреки, дѣлаемые земскимъ учрежденіямъ, обвиненіе ихъ въ бездѣятельности и вредномъ направленіи, если только эти обвиненія и упреки справедливы, должны бы быть всецѣло отнесены къ поземельному дворянству.

Оцѣнка дѣятельности земскихъ учрежденій.

Въ дѣйствительности всѣ эти нареканія въ полной мѣрѣ безосновательны. Благодѣтельное дѣйствіе преобразованій императора Александра II обнаружилось прежде и болѣе всего въ дворянской средѣ, нравственный и образовательный уровень который измѣнился къ лучшему до неузнаваемости. Самое убѣдительное тому доказательство представляетъ въ высокой степени почтенная и полезная дѣятельность дворянъ въ земствѣ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены заслуги земства по народному образованію. Земство уже тѣмъ обнаружило свою зрѣлость, что, оцѣнивъ великое значеніе просвѣщенія народныхъ массъ, оно заботы о немъ поставило во главу угла всей земской дѣятельности.

Затѣмъ земство впервые обезпечило населенію уѣздовъ врачебную помощь. Чтобы оцѣнить заслуги земства въ этомъ на-

правленіи, надо припомнить, что дѣловая сообразительность приказовъ общественнаго призрѣнія по врачебной части не пошла далѣе устройства для всего населенія губерніи одной больницы въ губернскомъ городѣ, — огромной, дорого стоющей, казарменнаго типа.

По вѣрному пути пошло земство и въ своихъ заботахъ объ улучшеніи современныхъ условій сельскаго хозяйства, имѣющаго первенствующее значеніе въ нашей по преимуществу земледѣльческой странѣ. Оно не ограничивается одними жалобами и воплями о правительственной помощи, а принимаетъ, въ предѣлахъ своихъ ограниченныхъ средствъ, такія дѣйствительныя мѣры къ улучшенію сельскохозяйственной культуры, какъ образованіе при земскихъ управахъ коллегіальныхъ сельскоэкономическихъ органовъ, назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ, устройство опытныхъ полей, сельскохозяйственныхъ складовъ, музеевъ, фермъ, метеорологическихъ станцій и главнѣе всего, — сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

Изъ опубликованныхъ министерствомъ земледѣлія свѣдѣній мы узнаемъ, что 31 губернское и 309 уѣздныхъ земствъ принимали въ 1896 г. участіе въ попеченіи о мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждахъ, расходуя на этотъ предметъ свыше 1.300,000 рублей, причемъ, по сравненію съ 1895 г. земскій сельско-хозяйственный бюджетъ возросъ въ 1896 г. на 787,840 р.

Высшее правительство, въ лицѣ министерства земледѣлія, стремится установить правильную связь и возможно полное взоимодѣйствіе между правительственными мѣропріятіями и земскими начинаніями въ области сельско-хозяйственныхъ улучшеній, а во всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ о состояніи ввѣренныхъ имъ губерній, какъ о томъ свидѣтельствуютъ правительственныя сообщенія, неоднократно удостоивались милостиваго вниманія Государя Императора представленія о плодотворныхъ трудахъ земства на пользу мѣстнаго хозяйства.

Земскія учрежденія становятся на правильный путь въ вопросѣ о сельскихъ рабочихъ, ставя его въ непосредственную связь съ развитіемъ въ народѣ просвѣщенія и отвергая дѣйствительность законодательной регламентаціи, а тѣмъ менѣе насильственныхъ мѣръ для того, чтобы заставить рабочаго исполнять добросовѣстно принятыя на себя обязательства. Впрочемъ

и при настоящемъ уровнѣ образованія народныхъ массъ крестьяне прекрасно работаютъ тамъ, гдѣ имъ платятъ за трудъ существующую рыночную плату и сытно кормятъ. Одни и тѣ-же рабочіе изъ года въ годъ приходятъ въ тѣ экономіи, въ которыхъ они разсчитываютъ встрѣтить эти условія, а съ другой стороны, никакія мѣры не способны удержать на работѣ крестьянъ, закабаленныхъ съ осени черезъ подрядчиковъ и волостныя правленія за цѣну, которая нерѣдко въ два и даже три раза ниже цѣнъ на рабочихъ, опредѣлившихся лѣтомъ во время самаго производства полевыхъ работъ. Немудрено, конечно, привести рабочаго куда угодно этапнымъ или инымъ порядкомъ, но даже угрозой четвертованія его нельзя заставить работать какъ слѣдуетъ. Большой практическій смыслъ обнаружили тѣ земскія собранія, какъ напримѣръ Изюмское Харьковской губерніи, которыя занесли въ свои протоколы увѣренность въ тщетѣ всякихъ насильственныхъ и искусственныхъ мѣръ для регулированія ко взаимной выгодѣ отношеній, возникающихъ изъ договоровъ найма на полевыя работы.

Дворянскія собранія, до послѣдняго времени, не часто пользовались предоставленнымъ имъ правомъ обращенія къ верховной власти о своихъ пользахъ и нуждахъ и въ ходатайствахъ своихъ не всегда отстаивали интересъ общественный. Случалось, что дворяне пользовались этимъ политическимъ правомъ въ частномъ интересѣ. Такъ одно губернское дворянское собраніе утруждало Государя всеподданнѣйшей просьбой о разрѣшеніи розыграть въ лотерею имѣніе впадшаго въ несостоятельность предводителя дворянства. Объясняется это отчасти ограниченностью самой сферы исключительно дворянскихъ сословныхъ интересовъ. Для тѣхъ-же самыхъ дворянъ, въ составѣ земскаго собранія, обширная сфера самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, еще въ значительной мѣрѣ не удовлетворенныхъ, даетъ обильный матеріалъ для обращенія къ правительству ходатайствъ по предметамъ высокаго общественнаго значенія.

Доказательствомъ политической зрѣлости русскаго земства въ пользованіи правомъ представленія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, могутъ служить почти повсемѣстно возбуждаемые ходатайства, касающіяся распространенія общаго образованія и

сельско-хозяйственныхъ знаній въ массѣ народа и объ отмѣнѣ наказанія крестьянъ розгами.

Хулители земства хотятъ видѣть доказательство недостатка дѣловой энергіи земскихъ учрежденій въ неудовлетворительномъ состояніи нашихъ дорогъ. Упрекъ этотъ можетъ быть сдѣланъ земству относительно дорогъ мѣстнаго значенія — съ такимъ-же основаніемъ какъ и обвиненіе правительства въ недостаткѣ и неудовлетворительномъ состояніи государственныхъ средствъ сообщенія.

Наши шоссейныя дороги, водяныя сообщенія, порты — ожидаютъ затраты многихъ десятковъ милліоновъ рублей для приведенія ихъ въ сколько-нибудь благоустроенный видъ. Даже постоянно возростающая сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ совершенно ничтожна по сравненію съ протяженіемъ желѣзныхъ дорогъ въ другихъ государствахъ.

Главная причина неудовлетворительнаго состоянія нашихъ путей сообщенія — это наша бѣдность. По свѣдѣніямъ за 1892 г., государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ на средства сообщенія приходилось на одного жителя, въ круглыхъ цифрахъ: во Франціи — 4 рубля; въ Италіи около — 3-хъ р.; въ Великобританіи и Пруссіи по — 2 р.; въ Австріи — 1 р. 40 к., а въ Россіи — 40 к.

Весьма серьезнымъ препятствіемъ для содержанія дорогъ мѣстнаго значенія въ исправности служитъ у насъ отсутствіе мелкой территоріальной единицы земскаго самоуправленія. Если-бы таковая существовала на мѣстѣ настоящей сословной крестьянской волости, то получились-бы, — вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ другихъ насущныхъ потребностей мѣстнаго благоустройства, — и практическіе способы для исправнаго содержанія дорогъ. Тогда, по приговору всесословной волости или земскаго прихода, каждый привлекался-бы къ устройству и содержанію дорожныхъ сооруженій, — полотна, канавъ, мостовъ, гатей, — соотвѣтственно своему положенію и средствамъ: одинъ обязанъ былъ-бы денежнымъ взносомъ, другой доставлялъ-бы строительный матеріалъ, а неимѣющіе личной собственности крестьяне давали-бы свой трудъ. Теперь исправное содержаніе дорогъ законъ относитъ къ обязанности собственниковъ земель, черезъ которыя онѣ пролегаютъ, а наблюденіе за исполненіемъ этой обязанности лежитъ на полиціи, дороги-же бо̀льшаго мѣ-

стнаго значенія, земство уѣздное или губернское принимаетъ на свое содержаніе, т. е. на счетъ денежныхъ земскихъ сборовъ, уплачиваемыхъ безразлично всѣми элементами мѣстнаго населенія, платежная способность котораго кладетъ предѣлы для удовлетворенія этой мѣстной потребности.

При оцѣнкѣ дѣятельности земскихъ учрежденій и ея результатовъ нельзя упускать изъ виду тѣхъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать.

Существующіе у насъ разнообразные органы управленія въ губерніи и уѣздѣ отличаются полнымъ отсутствіемъ какой-либо цѣльности и системы. Возникали они въ разное время для удовлетворенія нарождавшихся потребностей, и получали ту или иную организацію соотвѣтственно преходящимъ политическимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ и существуютъ рядомъ, переплетаясь своими предметами вѣдомства, но безъ всякой между собою органической связи.

Изданіе положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ не вызвало соотвѣтственнаго приспособленія для совмѣстной съ ними дѣятельности уже существовавшихъ установленій.

Разграниченіе сферъ дѣятельности правительственныхъ и земскихъ мѣстныхъ учрежденій представляетъ крайнюю неопредѣленность. Поэтому въ области одинаковыхъ мѣстныхъ потребностей и въ тѣхъ же территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствуютъ у насъ земскіе и правительственные врачи, учителя, статистики, инженеры. Сохранившіяся отъ прежняго времени установленія составляютъ разрозненные обломки когда-то цѣльной и однородной системы мѣстныхъ учрежденій Екатерины II, не оправдавшихъ на практикѣ возлагавшихся на нихъ надеждъ и получившихъ одностороннее развитіе въ сторону бюрократическаго формализма. И вотъ рядомъ съ ними стали на работу учрежденія возродившагося земства — не чиновныя, безъ точно опредѣленнаго мѣста въ служебной іерархіи, безъ бюрократическихъ традицій, а потому сами опредѣляющіе пріемы своей дѣятельности сообразно реальнымъ требованіямъ того или другаго дѣла.

Отсюда внутренній разладъ между учрежденіями столь различными по внѣшнему устройству и духовному содержанію. На первыхъ же порахъ земство возбуждаетъ въ себѣ недовѣріе

чиновныхъ сферъ, къ нему относятся не какъ къ правящему учрежденію съ обширной компетенціей, а какъ къ частному обществу, требующему зоркаго наблюденія и обузданія.

Такое недовѣріе къ земству сказалось въ извѣстной степени и при пересмотрѣ въ 1890 г. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Несмотря на то, что измѣненный порядокъ выбора гласныхъ обезпечилъ за дворянами безраздѣльное господство въ мѣстномъ земствѣ, предѣлы самостоятельности его распоряженій были ограничены. Прежде губернская администрація наблюдала только за законностью распоряженій земскихъ учрежденій въ границахъ предоставленныхъ имъ предметовъ веденія; теперь ей предоставлено право предъявлять къ земству, въ опредѣленномъ порядкѣ, требованія о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ и производствѣ расходовъ, признаваемыхъ губернскимъ начальствомъ въ общественныхъ интересахъ полезными.

Это ограниченіе земской самодѣятельности осталось, однако, безъ практическихъ результатовъ и до сихъ поръ не послѣдовало, сколько извѣстно, ни одного Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта или положенія комитета министровъ о понудительныхъ мѣропріятіяхъ въ сферѣ земской дѣятельности.

Такое же недовѣріе въ извѣстныхъ общественныхъ и бюрократическихъ кругахъ возбудили къ себѣ въ свое время и новые органы судебной власти. Но полезная, безукоризненно честная и безпристрастная дѣятельность скромныхъ труженниковъ судебныхъ учрежденій мало по малу обезоружила эти предубѣжденія. Изъ компетентныхъ источниковъ обществу извѣстно, что предпринятый пересмотръ судебныхъ уставовъ императора Александра II преслѣдуетъ только техническія улучшенія по указаніямъ практики, оставляя незыблимыми самыя основы судебной организаціи — независимость суда и судьи, устность и гласность судебнаго процесса, участіе общественныхъ элементовъ въ отправленіи правосудія.

По всѣмъ признакамъ настаетъ часъ справедливой оцѣнки и земскихъ учрежденій,—въ полезной и плодотворной дѣятельности которыхъ главная заслуга принадлежитъ русскому помѣстному дворянству.

Во всѣхъ слояхъ русскаго общества укрѣпляется мало по малу сознаніе, что самоуправляющееся земство, въ мѣрѣ налич-

ныхъ средствъ, наилучшимъ образомъ способно удовлетворить насущнымъ потребностямъ благоустройства, народнаго просвѣщенія и другимъ мѣстнымъ нуждамъ нашей провинціи.

Высшее правительство относится къ земскимъ учрежденіямъ все съ большимъ и большимъ довѣріемъ. Оно стремится установить прочную связь и полезное взаимодѣйствіе земскихъ силъ и правительственной власти въ начинаніяхъ и мѣропріятіяхъ сельскохозяйственныхъ. Въ распоряженіе земства предоставляются необходимыя средства для упорядоченія мѣстныхъ дорожныхъ сооруженій съ принятіемъ на счетъ казны прежнихъ обязательныхъ расходовъ земства на общія административныя надобности. Мнѣнія земскихъ управъ спрашиваютъ, какъ сообщалось въ печати, по вопросу такой государственной важности, какъ пересмотръ положенія о наймѣ на сельскія работы. Наконецъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, уже разработываются предположенія о распространеніи территоріальныхъ предѣловъ примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

Ряды носителей крѣпостныхъ традицій видимо рѣдѣютъ и общественному сознанію все яснѣе и ярче представляются достоинства учрежденій обязанныхъ своимъ происхожденіемъ реформамъ императора Александра II.

VI.

О мѣрахъ для удержанія поземельной собственности въ дворянскихъ рукахъ.

Въ сферѣ экономической — у потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ поземельной собственностью, нѣтъ и быть не можетъ какихъ-либо особыхъ, сословныхъ интересовъ. Здѣсь могутъ существовать только общія потребности сельско-хозяйственной промышленности всей страны. Что полезно или нужно дворянину, то нужно и полезно землевладѣльцамъ всѣхъ другихъ званій и состояній. Всякимъ мѣропріятіемъ, направленнымъ къ улучшенію условій сельскаго хозяйства, воспользуется непремѣнно и помѣстное дворянство и, съ другой стороны, дворяне ровно ничего не выиграютъ отъ того, что въ помощи или льготахъ имъ предоставленнымъ, будетъ отказано другимъ землевладѣльцамъ. Дворянство не только отъ этого ничего не выиграетъ, но такое предпочтеніе нанесетъ ему прямой ущербъ вслѣдствіе существующей солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ землевладѣльцевъ извѣстной мѣстности.

Всѣ личные собственники уѣзда заинтересованы, прежде всего, въ благосостояніи крестьянъ, такъ какъ состоятельный крестьянинъ — это надежный съемщикъ помѣщичьей земли, исправный работникъ, постоянный покупщикъ всякихъ хозяйственныхъ продуктовъ; онъ, кромѣ того, какъ производитель, не роняетъ цѣнъ на произведенія земли.

Матеріальные интересы помѣстнаго дворянства и крестьянъ могутъ только пострадать отъ того, если состоятельные и образованные люди, не принадлежащіе къ сословію потомственныхъ

дворянъ, будутъ искусственно отвлекаемы отъ пріобрѣтенія поземельной собственности въ уѣздахъ. Только отъ землевладѣльцевъ, не стѣсняющихся въ оборотныхъ средствахъ, можно ожидать серьезныхъ улучшеній сельско-хозяйственной культуры. Этимъ усовершенствованіямъ всегда предшествуютъ дорого стоющіе и соединенные съ рискомъ практическіе опыты, а ихъ благопріятными результатами пользуются всѣ окрестные землевладѣльцы. Усиленное поощреніе фабричной и заводской промышленности, а также торговли, совершается, между прочимъ, и на счетъ платежныхъ силъ сельскаго населенія, а потому надо, чтобы пріобрѣтаемые отъ того капиталы, хотя въ извѣстной своей части, были обращаемы на пользу сельскаго хозяйства. Лишая капиталистовъ охоты и побужденій къ пріобрѣтенію поземельной собственности въ уѣздахъ, мы во всякомъ случаѣ содѣйствуемъ пониженію ея стоимости къ очевидному ущербу для дворянскаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ, въ экономическомъ отношеніи и въ сферѣ землевладѣнія не существуетъ никакого противоположенія интересовъ потомственныхъ дворянъ и лицъ другихъ состояній.

Но не совершается-ли процессъ обезземеленія потомственнаго дворянства въ такой тревожной прогресіи, которая вызывала бы необходимость изыскать рѣшительныя мѣры къ удержанію поземельной собственности въ дворянскихъ рукахъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ недавно изданныя министерствомъ финансовъ „Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“.

Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ 1893 г. въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи было продано дворянами 2.091,412 десятинъ земли на сумму 87.212,512 руб., а купили дворяне — 1.104,411 десятинъ за 46.533,035 руб.; купцы купили — 528,521 дес. земли, заплативъ за нее 17.321,030 руб., а продали 295,419 дес. на сумму 11.048,157 руб.; крестьяне купили въ личную собственность 341,284 дес. и продали 185,821 дес.; товарищества крестьянъ купили 331,517 дес. и продали 40,626 дес.; сельскія общества купили 63,535 дес. и продали 23,126 дес.

Свѣдѣнія эти показываютъ, что естественный процессъ распредѣленія личной поземельной собственности, — еще недавно принадлежавшей только однимъ дворянамъ, — между лицами всѣхъ

состояній, совершается при условіяхъ весьма благопріятныхъ для дворянскаго землевладѣнія. Дворяне не только скупо уступаютъ поземельную собственность другимъ сословіямъ, — менѣе 1% въ годъ всей площади личнаго поземельнаго владѣнія, — но и являются на поземельномъ рынкѣ, самыми крупными пріобрѣтателями земли. Даже крестьяне, прирожденные земледѣльцы и составляющіе подавляющее большинство сельскихъ обывателей, пріобрѣтаютъ, лично и корпоративно, менѣе земли, чѣмъ дворяне (736,336 десятинъ въ 1893 г. противъ 1.104,411 десятинъ, купленныхъ въ томъ же году дворянами).

Приведенныя цифры доказываютъ также совершенную неосновательность увѣреній алармистовъ, предрекающихъ переходъ дворянской поземельной собственности въ купеческія руки. Площадь землевладѣнія промышленныхъ классовъ населенія увеличилась въ 1893 г. въ ничтожномъ размѣрѣ 233,102 десятинъ (528,581 — 299,419 дес.).

Все это убѣждаетъ въ томъ, что дворянство, въ качествѣ составной части русскаго землевладѣнія, обладаетъ достаточной устойчивостью, чтобы не нуждаться въ посторонней поддержкѣ для сохраненія въ этой средѣ своего первенствующаго положенія.

Дворяне, обладающіе охотой и способностью заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не бросаютъ своихъ имѣній. Искусственныя мѣры требуются для сохраненія поземельной собственности только за такими дворянами, которые земли не любятъ, хозяйничать не умѣютъ или, за другими занятіями, не имѣютъ къ тому возможности, — но ни общая экономія страны, ни сословные интересы самаго дворянства ничего не могутъ выиграть отъ насильственнаго удержанія нелегкаго дѣла промышленной эксплуатаціи поземельной собственности за людьми, у которыхъ это дѣло само изъ рукъ валится.

При отсутствіи сословныхъ ограниченій и другихъ стѣсненій для пріобрѣтенія поземельной собственности, всякая земля найдетъ себѣ въ свое время хозяина, который ее полюбитъ и сумѣетъ съ ней обращаться, — а для дворянъ, не имѣющихъ расположенія къ сельскому хозяйству, открыты самыя разнообразныя поприща дѣятельности. Только трудъ по призванію и приложенный къ дѣлу, соотвѣтствующему индивидуальнымъ способностямъ каждаго, можетъ быть трудомъ производительнымъ, вызывающимъ

наростаніе общаго богатства страны. Но становясь даже на точку зрѣнія исключительно дворянскихъ интересовъ, не трудно себѣ представить размѣры матеріальнаго ущерба, который можетъ нанести дворянамъ ограниченіе круга лицъ, имѣющихъ право и достаточныя побужденія для пріобрѣтенія дворянскихъ имѣній.

Возвращаясь къ приведеннымъ выше статистическимъ даннымъ о движеніи поземельной собственности, мы видимъ, что дворяне купили въ 1893 г. 1.104,411 десятинъ земли, уплативъ за нихъ 46.533,035 рублей. Это показываетъ, что въ дворянской средѣ не существовало потребности пріобрѣсти бо̀льшее количество земли и не было средствъ заплатить за нее большую сумму денегъ. Поэтому, если бы лица другихъ сословій были лишены права или побужденій купить остальныя, проданныя дворянами въ томъ же году 987,001 десятину земли, то предложеніе дворянскихъ земель на продажу почти вдвое превысило бы спросъ на нихъ, что неизбѣжно вызвало бы весьма значительное паденіе цѣны дворянской поземельной собственности.

Казалось бы, такимъ образомъ, что доказанная устойчивость дворянскаго землевладѣнія не вызываетъ необходимости въ принятіи какихъ-либо мѣръ для искусственнаго удержанія за дворянами поземельной собственности, такъ какъ ее естественное распредѣленіе между лицами разныхъ состояній совершается при сохраненіи за дворянствомъ перваго мѣста по количеству принадлежащей ему и пріобрѣтаемой имъ въ личную собственность земли.

Во всякомъ случаѣ, мѣры эти, — безъ явнаго ущерба для интересовъ всего государства и личныхъ выгодъ самихъ дворянъ, — не могутъ заключаться въ ограниченіи правъ лицъ другихъ состояній на пріобрѣтеніе поземельной собственности внѣ городскихъ поселеній.

Льготный кредитъ. Внѣ этого рода мѣръ, спасенія дворянъ отъ обезземеленія ищутъ чаще всего въ предоставленіи имъ широкой возможности пользоваться поземельнымъ кредитомъ на особо льготныхъ условіяхъ.

Для сужденія о дѣйствительности этого средства обратимся прежде всего къ указаніямъ историческаго опыта.

Первый вексельный уставъ 1729 г. не воспрещалъ дворянамъ обязываться векселями, которые и вошли между шляхет-

ствомъ во всеобщее употребленіе,— и неумѣренное пользованіе этого рода кредитомъ разорило многія дворянскія фамиліи, впавшія въ неоплатные долги.

Елисавета Петровна учреждаетъ, 13 мая 1754 г., государственный заемный банкъ, чтобы доставить своимъ подданнымъ, и *болѣе всего дворянству*, средства занимать деньги за меньшіе проценты, такъ какъ многіе изъ нихъ приходили въ *убожество и разореніе*, платя по своимъ долгамъ 12, 15 и до 20 % въ годъ. Банкъ былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ при сенатѣ и въ Москвѣ при сенатской конторѣ, образовавъ два отдѣленія, которыя именовались *конторами государственнаго банка для дворянства*. Банкъ бралъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній по 6 % въ годъ, выдавалъ не болѣе 1,000 р. въ однѣ руки и на срокъ не далѣе одного года. Дворяне поспѣшили занимать деньги изъ государственнаго банка и оказались на первыхъ-же порахъ должниками несостоятельными. Тогда наступаетъ періодъ льготъ и отсрочекъ: уже въ 1754 г. установлена отсрочка до 3-хъ лѣтъ, въ 1758 году прибавленъ еще годъ, а въ 1761 г. платежъ поземельныхъ долговъ дворянства отсроченъ на 8 лѣтъ. Изъ дворянскихъ заявленій въ коммиссіи уложенія 1767 г. видно, что кредитомъ государственнаго банка почти не пользовались бѣднѣйшіе дворяне, которымъ старались помочь ссудами изъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Тогда дворяне, по свидѣтельству князя Щербатова, вскорѣ по учрежденіи приказовъ разобрали всѣ ихъ суммы на проценты, такъ что въ голодъ 1788 г. — у приказовъ не оказалось денегъ для народнаго продовольствія.

22 іюня 1786 г. послѣдовало преобразованіе государственнаго банка съ измѣненіемъ правилъ о ссудахъ. Дворяне получали ссуду на 20 лѣтъ, обязывались платить 5 % роста и 3 % погашенія. Ссуда давалась подъ залогъ населенныхъ имѣній въ размѣрѣ не менѣе 1,000 р. въ однѣ руки, полагая крестьянина въ 40 руб.

Дворяне продолжали легкомысленно пользоваться кредитомъ и, конечно, разорялись. Императоръ Павелъ I рѣшилъ придти имъ на помощь учрежденіемъ государственнаго вспомогательнаго для дворянъ банка, который долженъ былъ дѣлать вспоможенія дворянскимъ фамиліямъ, уже обремененнымъ долгами, выдавая ссуды подъ залогъ крестьянской души до 75 р. Въ ма-

нифестѣ 18 декабря 1797 г. объ учрежденіи этого банка, государь писалъ, что онъ съ крайнимъ прискорбіемъ видитъ, какъ „многіе дворянскіе роды стенаютъ подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостью нажитыхъ“; манифестъ свидѣтельствуетъ далѣе, что немногіе дворяне „воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть усугубляли свои долги“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне настолько злоупотребляли личнымъ кредитомъ подъ векселя, что банкротскимъ уставомъ 19 декабря 1800 г. дворянамъ безусловно запрещено было обязываться векселями. Державинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что онъ получилъ отъ Павла брильянтовый малтійскій крестъ за участіе въ сочиненіи этого устава, коего цѣль, какъ объясняетъ Державинъ „наиболѣе была въ томъ, чтобы воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы“.

Дворяне продолжали пользоваться поземельнымъ кредитомъ съ жадностью и непредусмотрительностью, вызывавшими монаршія замѣчанія. Императоръ Николай I, измѣняя размѣръ ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, напоминалъ дворянству, чтобы новыя ссуды обращались „не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще усовершенствованію земледѣлія и къ расширенію сельской и всякой другой промышленности“.

Напоминанія эти были тщетны. Долги на дворянскихъ имѣніяхъ росли, заложенныя имѣнія не выходили изъ опекъ и продавались съ публичнаго торга.

Злоупотребленіе поземельнымъ кредитомъ было одной изъ главныхъ причинъ оскудѣнія старыхъ дворянскихъ родовъ. Имѣнія ихъ покупались правда дворянами-же, но изъ людей наживавшихъ состоянія, а источники наживы, при тогдашнихъ общественныхъ и государственныхъ порядкахъ, не всегда бывали чистыми. Ростовщичество, взяточничество, казнокрадство, а также откупа и казенные подряды, прибыльность которыхъ въ значительной мѣрѣ обусловливалась продажностью чиновниковъ, — давали средства для перевода обремененныхъ долгами родовыхъ

помѣстій въ разрядъ имѣній благопріобрѣтенныхъ, и это движеніе поземельной собственности въ дворянской средѣ совершалось съ такой быстротой, что рѣдкое имѣніе оставалось въ томъ-же родѣ болѣе трехъ поколѣній. Очень немногія старинныя фамиліи сохранили свои родовыя имѣнія и, напротивъ того, весьма много лицъ самаго плебейскаго происхожденія становились крупными поземельными собственниками. Крестьянинъ Твердышевъ, начавшій свои операціи, по свидѣтельству Вигеля, съ пятью рублями въ карманѣ, оставилъ четыремъ своимъ племянницамъ по 16 тысячъ душъ каждой.

Задолженность дворянскаго землевладѣнія содѣйствовала въ весьма сильной степени усугубленію тяжести крѣпостнаго права,— проценты и погашеніе по просроченнымъ ссудамъ вымучивались съ заложенныхъ крѣпостныхъ душъ.

Справка съ исторіей доказываетъ такимъ образомъ, что кредитные порядки въ дореформенное время были далеки отъ того кредитнаго эльдорадо, которымъ иные публицисты смущаютъ нынѣ болѣзненно настроенное воображеніе тѣхъ дворянъ, которые, по выраженію манифеста 1797 г., „стенаютъ подъ бременемъ долговъ“.

Выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ при отмѣнѣ крѣпостнаго права, открылъ задолженному дворянскому землевладѣнію исходъ для ликвидаціи ихъ неоплатныхъ поземельныхъ долговъ.

Съ того времени часть дворянъ вновь обременила свои имѣнія долгами по банковымъ и инымъ ссудамъ, но помѣстное дворянство, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, оказалось гораздо менѣе податливымъ къ соблазнамъ поземельнаго кредита. Въ настоящее время изъ 112 тысячъ дворянъ-помѣщиковъ едва 30 тысячъ состоятъ кліентами поземельныхъ банковъ и изъ нихъ менѣе половины обратились къ ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго банка, выдавшаго по 1-е Января 1896 г. всего 13,614 ссудъ, причемъ изъ 60.000,000 десятинъ земли, принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ въ раіонѣ дѣятельности дворянскаго банка, площадь заложенной въ немъ земли составляла — 11.747,640 десятинъ.

Такимъ образомъ большая часть землевладѣльцевъ изъ потомственныхъ дворянъ не нуждается, повидимому, въ какихъ-

либо воспособленіяхъ государственнаго долгосрочнаго кредита, что значительно уменьшаетъ государственное значеніе вопроса о задолженности дворянской поземельной собственности.

Но и въ этихъ ограниченныхъ размѣрахъ и даже послѣ Высочайшаго указа 29 Мая 1897 года, опредѣлившаго предѣлъ возможныхъ льготъ для заемщиковъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, — вопросъ о государственномъ поземельномъ кредитѣ, какъ средствѣ предупрежденія убыли дворянскаго землевладѣнія, сохраняетъ свое значеніе.

Въ этомъ отношеніи не надо упускать изъ виду, что льготный кредитъ приводитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, къ результатамъ прямо противоположнымъ преслѣдуемой цѣли.

Понятно, что поземельный кредитъ не долженъ служить для казны источникомъ дохода; поэтому уплачиваемый заемщиками процентъ роста и погашенія не долженъ превышать размѣра процентовъ, уплачиваемыхъ государствомъ по своимъ обязательствамъ, съ присоединеніемъ расходовъ на администрацію. Въ этомъ заключается преимущество правительственнаго кредита передъ коммерческимъ банковымъ кредитомъ. Но казна не должна также ни подъ какимъ видомъ предоставлять кредитъ частнымъ лицамъ дешевле того, во что онъ ей самой обходится и вообще кредитныя операціи должны быть ведены такимъ образомъ, чтобы ссуды землевладѣльцамъ не ложились, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, бременемъ на общія податныя средства страны.

Только въ этихъ предѣлахъ должна быть понимаема и допускаема льготность государственнаго поземельнаго кредита.

Льготность-же относительно размѣра ссудъ, переходящаго предѣлы разумнаго и умѣреннаго соотношенія къ цѣнности имѣнія, становится вѣрнѣйшимъ средствомъ для обезземеленія должника [1]).

---

[1]) Французскій банкъ недвижимаго кредита, Credit Foncier, — выдаетъ въ ссуду не болѣе 50% стоимости недвижимаго имущества (§ 56 устава), а подъ земли, засаженныя виноградниками, лѣсами и иными насажденіями, не болѣе 30%. При установленіи такого максимальнаго размѣра ссудъ, кромѣ обезпеченія банка, имѣлось въ виду предупредить чрезмѣрную задолженность землевладѣнія во Франціи.

Въ Германіи первый банкъ недвижимаго кредита былъ основанъ Фридрихомъ II въ Силезіи. Съ тѣхъ поръ Германія покрылась сѣтью этого рода учрежденій и всѣ они отличаются умѣренностью размѣра выдаваемыхъ ссудъ,

Къ тѣмъ же результатамъ приводятъ всякія отступленія отъ установленнаго и впередъ заемщикамъ извѣстнаго порядка взысканія срочныхъ платежей. Уже одна надежда на отсрочку, пересрочку и иныя льготы обращаетъ всѣхъ нерадивыхъ и непредусмотрительныхъ заемщиковъ въ неоплатныхъ должниковъ.

Къ числу неожиданныхъ результатовъ льготнаго кредита, предоставленнаго дворянамъ съ учрежденіемъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, слѣдуетъ отнести ущербъ, наносимый матеріальнымъ интересамъ дворянства сословной исключительностью этого кредита. Эта сословная исключительность ссудъ изъ государственнаго земельнаго банка ограничиваетъ кругъ покупателей имѣній въ немъ заложенныхъ, что неизбѣжно вызываетъ ихъ обезцѣненіе. Это сознается повидимому и правительствомъ, судя по тому, что Высочайшимъ указомъ 29 мая 1897 г. срокъ для выкупа имѣній изъ залога дворянскаго банка владѣльцами не принадлежащими къ потомственному дворянству продолженъ съ пяти до десяти лѣтъ. При этихъ условіяхъ, самъ собою напрашивается вопросъ, не требуютъ-ли интересы дворянскаго землевладѣнія преобразованія дворянскаго земельнаго банка въ государственный банкъ поземельнаго кредита безъ сословнаго характера. При утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, такое преобразованіе ни въ чемъ не умалило бы сословныхъ прерогативъ дворянства. Учрежденіемъ дворянскаго земельнаго банка не установлялось сословной привилегіи, а имѣлось въ виду предоставить дворянамъ извѣстное экономическое преимущество, а потому всякое измѣненіе въ организаціи банка, направленное къ выгодѣ дворянскаго землевладѣнія, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать намѣренію законодателя при учрежденіи государственнаго земельнаго банка.

Итакъ льготный поземельный кредитъ, какъ средство удержанія дворянъ отъ обезземеленія, представляетъ изъ себя оружіе обоюдоострое. Въ Пруссіи такой кредитъ послужилъ средствомъ для германизаціи Познани, польскіе помѣщики которой, под-

---

а вслѣдствіе этого и большою солидностью: нѣмцы особенно охотно помѣщаютъ свои сбереженія въ облигаціи этихъ банковъ.

На размѣръ ссудъ изъ заграничныхъ банковъ поземельнаго кредита вліяетъ то обстоятельство, что тамъ оцѣнка имѣнія для выдачи ссудъ не можетъ превышать оцѣнки, принятой для взиманія налоговъ.

давшись искушенію широко открытаго имъ поземельнаго кредита, лишились своихъ имѣній; — поляки въ нашихъ западныхъ губерніяхъ поставлены въ такія условія, что въ дѣлѣ сельскаго хозяйства должны полагаться только на свой трудъ, промышленную энергію и бережливость, и мы видимъ, что ихъ имѣнія, несмотря на повсемѣстный сельско-хозяйственный кризисъ, обладаютъ вообще большимъ хозяйственнымъ благоустройствомъ, чѣмъ хозяйства русскихъ помѣщиковъ.

Русскіе помѣстные дворяне, со временъ Державина, значительно созрѣли и для воздержанія отъ мотовства и дѣланія долговъ, уже не нуждаются въ томъ, чтобы „довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы“, — объ этомъ свидѣтельствуетъ незначительное число дворянъ, не только доведшихъ задолженность своихъ помѣстій до безнадежнаго состоянія, но и вообще обращающихся къ услугамъ долгосрочнаго поземельнаго кредита. Но столь же безспорно и то, что безграничная льготность поземельнаго кредита не послужитъ на пользу дворянскаго землевладѣнія. Такія льготы могутъ только увеличить число дворянъ, становящихся на покатую плоскость земельной задолженности, вѣрнѣйшимъ образомъ приводящую всѣхъ слабыхъ и неустойчивыхъ людей къ окончательному обезземеленію.

Дворяне, наравнѣ съ землевладѣльцами другихъ состояній, нуждаются въ такихъ воспособленіяхъ кредита, которыя помогли бы личному землевладѣнію выбраться на путь болѣе совершенной хозяйственной культуры. Въ ряду этого рода мѣръ самое важное значеніе имѣетъ правильная постановка дѣла меліоративнаго кредита.

Обратимся теперь къ тѣмъ изъ мѣръ, предлагаемыхъ для предупрежденія убыли дворянскаго землевладѣнія, которыя имѣютъ значеніе, такъ сказать, механическаго закрѣпленія земли за дворянами.

Сюда относятся маіораты, заповѣдныя имѣнія средняго размѣра и установленіе неотчуждаемости дворянскихъ усадьбъ съ опредѣленнымъ при нихъ количествомъ полевой земли.

Маіораты. Маіораты уже имѣютъ въ Россіи свою исторію.

Петръ Великій перекраивалъ учрежденія московскаго государства по образу и подобію государственныхъ и общественныхъ порядковъ, существовавшихъ въ западной Европѣ въ такое время,

когда наслѣдственная поземельная аристократія была тамъ почти повсемѣстно однимъ изъ главныхъ государственныхъ устоевъ.

Петръ вознамѣрился придать и русскому служилому шляхетству подобное-же значеніе, — но въ Россіи, съ раздробленіемъ имѣній, знатныя фамиліи постепенно упадали, бѣднѣли и обращались наконецъ въ простыхъ поселянъ „какъ“, по замѣчанію Петра, „уже много тѣхъ экземпляровъ есть въ россійскомъ народѣ [1]). Поэтому преобразователь призналъ установленіе единонаслѣдія необходимымъ средствомъ къ тому, чтобы фамиліи „не упадали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы“.

Петръ думалъ посредствомъ закона о единонаслѣдіи измѣнить также, по западному типу, составъ духовенства и средняго класса населенія, предоставивъ кадетамъ дворянскихъ фамилій, по достиженіи сорока лѣтъ, поступать въ бѣлое духовенство, въ купечество, или посвящать себя какому-нибудь художеству.

Въ пользу изданія закона о единонаслѣдіи подкупала Петра и забота о предупрежденіи разоренія крестьянъ, происходившаго отъ того, что сыновья богатыхъ родителей не хотѣли измѣнить привычнаго образа жизни, получивъ въ наслѣдство только малую долю отцовскаго достоянія. Онъ пояснялъ это такимъ примѣромъ: если кто имѣлъ 1.000 дворовъ и пять сыновъ, держалъ „домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное“; по смерти его имѣніе дѣлится на пять частей и у каждаго сына по 200 дворовъ,— но сыновья эти „помня славу отца своего и честь рода“ не захотятъ „сиро жить, но ясно“ и тогда съ крестьянъ ихъ будетъ пять столовъ, а не одинъ и двѣсти дворовъ понесутъ тѣже тягости, что и тысячи.

Кромѣ того, въ законѣ о единонаслѣдіи Петръ видѣлъ средство отучить дворянъ отъ лежебочества, лѣни и праздности „которая (по святому писанію) матерія есть всѣхъ злыхъ дѣлъ“, а при прежнемъ порядкѣ наслѣдованія, каждый наслѣдникъ, получивъ хотя малую часть, имѣлъ свой даровой хлѣбъ и не

[1]) На это явленіе указывалъ и современникъ Петра, наблюдательный крестьянинъ Посошковъ въ своемъ сочиненіи: „О скудости и богатствѣ“ „Есть въ Новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрина, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а въ иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцевъ“.

хотѣлъ безъ принужденія учиться и вступать въ государственную службу.

Задумавъ это дѣло, Петръ распорядился прежде всего собрать и изучить законы о наслѣдованіи въ иностранныхъ государствахъ [1]), послѣ чего, въ 1714 г., изданъ былъ законъ о единонаслѣдіи, которымъ постановлялось:

1. Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, тотъ можетъ завѣщать свое недвижимое имѣніе одному изъ нихъ, а прочихъ дѣтей надѣлить движимымъ имуществомъ по усмотрѣнію. При отсутствіи такого завѣщанія, недвижимое имущество поступаетъ по закону къ старшему сыну, а движимое дѣлится поровну между другими дѣтьми.

2. Бездѣтный владѣлецъ можетъ отдать недвижимое имѣніе одному изъ членовъ своей фамиліи, а движимое родственникамъ или постороннимъ. Если-же онъ при жизни такого распоряженія не сдѣлаетъ, то недвижимое имѣніе поступаетъ, по закону, къ ближайшему родственнику, а движимое дѣлится между прочими.

3. Послѣдній въ родѣ владѣлецъ, имѣющій одну или нѣсколько дочерей, въ дѣвицахъ или замужемъ, можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ нихъ,—но для возобновленія фамиліи, мужъ замужней дочери долженъ принять имя тестя, а дѣвица или вдова могутъ выйти замужъ только за того, кто согласится принять имя тестя.

Законъ о единонаслѣдіи касался не одной поземельной, но и всякой недвижимой собственности и былъ обязателенъ для всѣхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, безъ различія сословій, хотя затрогивалъ болѣе всего интересы шляхетства.

Между тѣмъ шляхетство это не имѣло ничего общаго съ тѣмъ дворянствомъ западной Европы, среди котораго учре-

[1]) Брюсу поручено было составить для царя краткое описаніе законовъ шкоцкихъ, англенскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ или первыхъ сынахъ. Головкинъ писалъ въ 1711 г., во время турецкаго похода, секретарямъ посольскаго приказа: „желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, англинскихъ и венецыйскихъ, какое у нихъ опредѣленіе какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и пожиткахъ, дѣтямъ по отцахъ оставшимся мужска и женска пола въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхетскихъ, такъ и купецкихъ фамилій: и вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ, и ежели того нѣтъ, то спрашивайте и ищите оныхъ правилъ на Москвѣ у иноземцевъ, и ежели гдѣ что сыщется, то велите перевести".

жденіе маіората развилось историческимъ путемъ. Богатое шляхетство и у насъ менѣе тяготилось закономъ о единонаслѣдіи, имѣя средства устроить участь своихъ кадетовъ. Но значительная масса русскаго шляхетства уже тогда состояла изъ людей средняго достатка или совсѣмъ бѣдныхъ и безденежныхъ и для нихъ этотъ законъ сталъ страшнымъ бременемъ. Установленное имъ неравенство между дѣтьми, по выраженію одного современника „тронуло нѣжныя родительскія сердца и, по тогдашнему обыкновенію, казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія“. Эти родители, для обхода закона, стали прибѣгать ко всевозможнымъ изворотамъ и къ такимъ рискованнымъ средствамъ, какъ признаніе фиктивныхъ долговъ и т. п.; они разстраивали свои хозяйства, отдавая младшимъ сыновьямъ хлѣбъ, лошадей и скотъ, какъ движимое имущество; между членами семьи и ближайшими родственниками пошли раздоры, случались кровавыя расправы, убійства.

Въ 1730 г. сенатъ воспользовался поставленнымъ на очередь вопросомъ о составленіи новаго уложенія, чтобы представить императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ докладъ объ отмѣнѣ указа 1714 г. и изданныхъ къ нему въ 1725 г. дополненій, такъ какъ они „по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ“. Докладъ этотъ былъ утвержденъ императрицей.

Такимъ образомъ законъ о единонаслѣдіи просуществовалъ всего шестнадцать лѣтъ. Между тѣмъ гораздо болѣе долговѣчной и живучей оказалась введенная Петромъ табель о рангахъ. Она такъ размножила число дворянъ и привела къ такому разнообразію общественныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ дворянства, что въ настоящее время едва-ли можно серьезно говорить объ *обязательномъ* обращеніи дворянскихъ имѣній въ маіораты, въ полномъ ихъ объемѣ или въ извѣстной части.

Въ 1845 г. былъ изданъ законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Законъ этотъ предоставляетъ волѣ и распоряженію владѣльцевъ обращать въ заповѣдныя, съ утвержденія верховной власти, имѣнія, заключающія въ себѣ отъ десяти до ста тысячъ десятинъ удобной земли или приносящія дохода отъ двѣнадцати до двухъ сотъ тысячъ рублей. Имѣніе можетъ быть также жалуемо государемъ лицу или его потомству на заповѣдномъ правѣ.

Заповѣдныя имѣнія признаются собственностью рода. Они не отчуждаемы ни въ цѣломъ составѣ, ни въ частяхъ и полученные по нимъ выкупные платежи обращены въ неприкосновенные капиталы, входящіе въ составъ имѣнія. Заповѣдное имѣніе не можетъ быть закладываемо и иными способами обременяемо долгами. Наслѣдство въ заповѣдныхъ имѣніяхъ опредѣляется правомъ первородства и представленія съ предпочтеніемъ мужскаго колѣна женскому. Лицо, имѣющее нѣсколькихъ законныхъ дѣтей, можетъ обращать въ составъ заповѣднаго имѣнія только такую часть своихъ родовыхъ имѣній, которая слѣдуетъ по закону старшему сыну, или, при отсутствіи сыновей, старшей дочери.

Законъ этотъ даетъ возможность богатымъ дворянамъ сохранить навсегда крупную поземельную собственность въ родѣ одного изъ своихъ дѣтей, не обездоливая окончательно остальныхъ дѣтей.

Законъ 1845 г. можетъ нуждаться въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ связи съ возросшими цѣнами на землю, но во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія идти далѣе его въ заботѣ о сосредоточеніи крупной поземельной собственности въ немногихъ рукахъ. К. П. Побѣдоносцевъ, въ своемъ курсѣ гражданскаго права, такъ говоритъ о важномъ государственномъ значеніи мелкой поземельной собственности. „Тѣмъ прочнѣе благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣленія земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими цѣльное свое хозяйство; напротивъ того, благосостояніе народа разрушается, когда преобладающая сила въ народной экономіи принадлежитъ крупному капиталу, привлекающему къ себѣ и малыя доли частныхъ капиталовъ, и мелкіе поземельные участки — для хищнической эксплоатаціи земель. Увеличеніе большихъ дачъ на счетъ мелкой собственности можетъ оказаться пагубнымъ для государства. Latifundia perdidere Italiam“.

При факультативномъ обращеніи въ маіораты однихъ крупныхъ имѣній, число ихъ будетъ всегда настолько незначительно, что этотъ видъ заповѣдныхъ имѣній не будетъ имѣть у насъ серьезнаго значенія, ни экономическаго, ни политическаго.

Заповѣдныя имѣнія средняго размѣра.

За предѣлами крупной поземельной собственности начинается область средняго землевладѣнія и въ ней меньшій размѣръ поземельнаго владѣнія соотвѣтствуетъ имѣнію, доходность котораго

можетъ обезпечить безъ избытка скромное существованіе интелигентной семьи, члены которой сами не участвуютъ въ сельскохозяйственной работѣ своимъ физическимъ трудомъ. Здѣсь принципъ заповѣдности не примѣнимъ вовсе, такъ какъ свобода распоряженія составляетъ жизненный нервъ этой категоріи землевладѣнія.

Самые размѣры крупной поземельной собственности лишаютъ ея владѣльцевъ возможности заниматься хозяйствомъ лично, — они по большей части извлекаютъ съ своихъ имѣній доходъ посредствомъ отдачи въ аренду земли и оброчныхъ статей. Крестьянинъ, главный представитель мелкаго землепользованія, есть земледѣлецъ прирожденный, сельское хозяйство составляетъ его коренной промыселъ. Между этими крайностями, на среднихъ ступеняхъ землевладѣнія, личное занятіе сельскимъ хозяйствомъ должно быть дѣломъ призванія, оно требуетъ охоты и умѣнія, поэтому — личные интересы помѣстнаго дворянства, успѣхъ сельскохозяйственной культуры и общая экономія страны могутъ только пострадать отъ того, что извѣстныя имѣнія станутъ неотчуждаемы въ цѣломъ поколѣніи такихъ людей, которые не имѣютъ ни желанія заниматься сельскимъ хозяйствомъ, ни необходимыхъ для того способностей и знаній, тогда какъ имѣнія средняго размѣра всего легче находятъ себѣ покупателей изъ образованной среды.

Среднее землевладѣніе, болѣе чѣмъ крупное и мелкое, нуждается въ долгосрочномъ кредитѣ, — и его должны будутъ лишиться собственники имѣній заповѣдныхъ, такъ какъ обремѣненіе такихъ имѣній поземельнымъ долгомъ противно самой природѣ заповѣдной собственности. Нельзя считать заповѣднымъ такого имѣнія, которое можетъ быть продано съ молотка при всякой неисправности владѣльца по принятымъ имъ на себя долговымъ обязательствамъ.

Неотчуждаемость дворянскихъ усадьбъ.

Для обезпеченія дворянамъ мелкаго земельнаго владѣнія существуетъ предположеніе объ установленіи неотчуждаемости дворянскихъ усадебъ съ нѣкоторымъ при нихъ, количествомъ пахатной земли.

Въ западной Европѣ замѣчается въ послѣднее время стремленіе къ предупрежденію вредныхъ послѣдствій безграничной дѣлимости земельной собственности и къ установленію, при из-

вѣстнымъ условіяхъ, неотчуждаемости семейныхъ участковъ извѣстнаго размѣра и стоимости.

Еще ранѣе движеніе въ томъ-же направленіи обнаружилось въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ образовалась лига, успѣвшая въ 1849 г. провести въ одномъ изъ штатовъ законъ, извѣстный подъ именемъ Homestead Exemption. Въ силу этого закона владѣлецъ *можетъ* въ извѣстномъ порядкѣ объявить свою землю, въ размѣрѣ до 200 акровъ, съ домомъ и принадлежащею ему инвентарною движимостью, имуществомъ нераздѣльнымъ и свободнымъ отъ взысканія по обязательствамъ до одной тысячи долларовъ.

Отъ владѣльца *зависитъ уничтожить*, новымъ актомъ, *неотчуждаемость имѣнія*, но, чтобы оградить семью отъ произвола главы семейства, для этого требуется согласіе его жены. Законъ этотъ съ того времени послѣдовательно принимался и въ другихъ штатахъ и въ настоящее время, съ нѣкоторыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ, дѣйствуетъ почти на всей территоріи союза.

Въ Германіи, до послѣдняго времени сохранялись отъ прежнихъ поземельныхъ порядковъ, нѣкоторыя ограниченія относительно свободы отчужденія и раздробленія крестьянскихъ земель. Всѣ эти ограниченія были окончательно устранены съ изданіемъ, въ 1872 г., общаго для всей имперіи закона о поземельныхъ книгахъ. Законъ этотъ вызвалъ протестъ со стороны гановерскихъ крестьянъ и союзный парламентъ, уступая энергичному требованію гановерскаго ландтага, издалъ для Гановера особый законъ о нераздѣльномъ крестьянскомъ участкѣ (Bauerhof). Такой участокъ можетъ сохраняться въ одной семьѣ, переходя къ избранному по завѣщанію или законному наслѣднику; прочіе наслѣдники получаютъ выкупныя деньги; нормальный размѣръ участка опредѣленъ въ законѣ; образованіе его *зависитъ отъ воли* главы семейства и *по волѣ владѣльца* у него могутъ быть отняты свойства Bauerhof'a. Вслѣдъ за Гановеромъ, Вестфалія и нѣкоторыя другія провинціи ввели у себя подобные-же законы и притомъ не для однихъ только крестьянскихъ земель, — но всѣ они преслѣдуютъ общую имъ цѣль охраненія небольшихъ хозяйственныхъ участковъ, обезпечивающихъ существованіе семьи.

Въ Австріи также изданъ въ 1889 г. законъ о семейныхъ участкахъ: *крестьянамъ предоставляется* образовывать хозяйственные участки съ усадьбою и подчинять ихъ дѣйствію особаго порядка наслѣдованія. Размѣръ такихъ участковъ (Höfe) опредѣляется мѣстнымъ ландтагомъ, смотря по условіямъ хозяйства и почвы въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Ландтагъ опредѣляетъ и порядокъ перехода этихъ участковъ, нераздѣльными, къ одному наслѣднику по закону или по завѣщанію. Законъ опредѣляетъ правила для разсчета преемника съ прочими наслѣдниками по умѣренной оцѣнкѣ.

Изъ этого очерка [1]) постановленій иностранныхъ законодательствъ о недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ семейныхъ участкахъ мы видимъ, что главная цѣль, которую они преслѣдуютъ, заключается въ томъ, чтобы остановить дробленіе поземельной собственности на томъ предѣлѣ, за которымъ ограниченность земельнаго участка уже не можетъ служить обезпеченіемъ хозяйственной состоятельности семьи крестьянъ-земледѣльцевъ. Тамъ, гдѣ какъ въ Америкѣ и нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, законъ о семейныхъ участкахъ не прямо говоритъ о крестьянахъ, онъ преслѣдуетъ ту-же цѣль, имѣя въ виду охрану мелкой поземельной собственности земледѣльца.

Другая общая всѣмъ этимъ законамъ черта, это отсутствіе обязательности обращенія земельной собственности извѣстнаго рода и размѣра въ неотчуждаемые семейные участки. Это всецѣло предоставляется на волю самихъ владѣльцевъ. При этомъ условіи воспользуются этимъ правомъ только настоящіе осѣдлые хозяева, соображаясь съ составомъ своей семьи, личными свойствами ея членовъ и основательно взвѣсивъ выгоды и неудобства, вызываемыя въ каждомъ данномъ случаѣ присвоеніемъ свободной земельной собственности свойствъ нераздѣльности и неотчуждаемости.

Совсѣмъ иное значеніе получила бы обязательная неотчуждаемость опредѣленной части дворянскаго имѣнія, напримѣръ, усадьбы съ извѣстнымъ при ней количествомъ пахотной земли.

Не трудно предвидѣть, что ближайшимъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы весьма значительное обезцѣненіе имѣній, при-

[1]) Подробнѣе у К. П. Побѣдоносцева. Курсъ гражданскаго права. Ч. II 1889 г., стр. 346 — 359.

надлежащихъ потомственнымъ дворянамъ, сравнительно съ имѣніями землевладѣльцевъ другаго сословнаго происхожденія. За имѣніями, которыя воспользуются сословной привиллегіей неотчуждаемости усадьбы, сохранится только стоимость земли въ раздробительной продажѣ и они незибѣжно утратятъ цѣнность имѣнія, какъ цѣльной сельско-хозяйственной единицы. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не согласится дать настоящую цѣну за имѣніе, въ центрѣ котораго водворился на вѣчныя времена посторонній владѣлецъ, причемъ отъ пріобрѣтателя отнимается всякая даже надежда когда-либо устранить этотъ зловреднѣйшій видъ чрезполосности хотя бы цѣной самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ затратъ.

Въ мѣрѣ обезцѣненія дворянской поземельной собственности упадетъ и кредитоспособность потомственныхъ дворянъ въ сравненіи съ лицами другихъ состояній.

Мѣра эта принесетъ немного пользы и тѣмъ дворянамъ, имущественная состоятельность которыхъ будетъ низведена до владѣнія одной усадьбой съ незначительнымъ при ней количествомъ пахотной земли. Такой земельный участокъ получитъ въ дворянскихъ рукахъ значеніе загородной дачи, которой нельзя ни продать, ни заложить, — то-есть самаго убыточнаго изъ всѣхъ возможныхъ видовъ поземельной собственности.

Облегченія для выкупа дворянскихъ родовыхъ имѣній.

Наконецъ, какъ на средство для предупрежденія дворянскаго обезземеленія, указываютъ на предоставленіе дворянамъ возможныхъ облегченій для выкупа ихъ родовыхъ имѣній.

Право выкупа родовыхъ имуществъ было въ Московскомъ государствѣ однимъ изъ проявленій родовыхъ отношеній, первобытныя формы которыхъ сохранились у насъ въ настоящее время только въ крестьянскомъ сословіи. Поэтому позволительно, — вмѣстѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ [1]), — предложить вопросъ: „въ настоящемъ состояніи общественной экономіи, и при нынѣшнемъ значеніи поземельнаго владѣнія, слѣдуетъ-ли признавать интересъ родоваго владѣнія настолько важнымъ, чтобы возможно было для него нарушать твердость законно пріобрѣтенной собственности?“

Тѣмъ менѣе существуетъ, казалось бы, основаній еще далѣе расширять сферу примѣненія этого права.

[1]) Курсъ гражданскаго права, ч. II, 1889 г. стр. 437.

Въ практическомъ отношеніи всякія облегченія по выкупу родовыхъ *дворянскихъ* имѣній послужатъ, безъ сомнѣнія, новой причиной обезцѣненія дворянской поземельной собственности — въ мѣрѣ легкости предоставленныхъ родичамъ способовъ для выкупа продаваемыхъ дворянами имѣній.

Изъ всѣхъ сужденій объ удержаніи землевладѣнія въ дворянскихъ рукахъ выдѣляется одинъ доводъ непреложной основательности: желательно, чтобы среда землевладѣнія была средою просвѣщенною. Конечно желательно — и достигается это въ настоящее время тѣмъ, что дворяне удерживаютъ за собой численный перевѣсъ въ личномъ землевладѣніи. Затѣмъ для увеличенія числа образованныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, требуются мѣры общаго характера: слѣдуетъ увеличить безопасность и удобства жизни въ уѣздахъ и надо бы сдѣлать земскую службу и дѣятельность болѣе заманчивыми. Въ виду присвоенныхъ дворянамъ особыхъ преимуществъ по мѣстному управленію, справедливо было-бы открыть просвѣщеннымъ представителямъ купечества доступъ къ полученію дворянскаго званія при совмѣщеніи ими опредѣленной степени образованія съ владѣніемъ поземельной собственности извѣстнаго размѣра. Взаимодѣйствіе этихъ и имъ подобныхъ мѣръ несомнѣнно подняло-бы образовательный уровень мѣстнаго землевладѣнія.

Въ сферѣ же чисто экономической, помѣстное дворянство нуждается также не въ льготахъ и преимуществахъ, а въ мѣрахъ общаго значенія, направленныхъ къ поднятію нашей сельскохозяйственной культуры и улучшенію условій земледѣльческой промышленности. Нужно прежде всего то, что можетъ содѣйствовать матеріальному и нравственному благосостоянію крестьянина; нужны условія благопріятныя для преуспѣянія сельскохозяйственнаго производства,—грамотные и умѣлые рабочіе, доступные по цѣнѣ усовершенствованныя машины; нужны мѣстные союзы для улучшенія производства и облегченія сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ; нужно благоустройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній и правильное ихъ приспособленіе къ требованіямъ сельскаго хозяйства.

VII.

Выводы и заключеніе.

Въ древней Россіи сословій не существовало, вслѣдствіе неосѣдлости князей, права отъѣзда дружинниковъ и полной свободы для каждаго избирать себѣ занятіе,—становиться воиномъ, пріобрѣтать поземельную собственность, заниматься торговлею и промыслами.

Въ Московскомъ государствѣ совершилось послѣдовательное закрѣпощеніе народа. Осѣвшій въ своей отчинѣ великій князь нуждался въ безсмѣнной воинской рати и въ обезпеченномъ поступленіи податей и повинностей.

Главнымъ средствомъ содержанія служилыхъ людей стали земли, раздаваемыя имъ въ помѣстья. Помѣстье получило значеніе тяглаго участка, отъ котораго служилый человѣкъ не могъ по своей волѣ отказаться. Въ послѣдствіи такое же значеніе пріобрѣли и вотчины.

Къ концу XVI столѣтія завершилось послѣдовательное закрѣпощеніе сельчанъ и городскихъ обывателей, которые несли подати и повинности съ земель (называвшихся черными въ отличіе отъ помѣстныхъ), съ торговъ и промысловъ. Отъ своей земли, торга или промысла никто изъ тяглыхъ людей не могъ уйти.

Различіемъ этихъ тяглъ опредѣлялись и сословныя различія отдѣльныхъ группъ населенія. Въ бытовомъ же отношеніи, русскій народъ представлялъ массу вполнѣ однородную. Во всѣхъ своихъ слояхъ онъ сохранилъ, вплоть до Петра Великаго, первобытныя формы родоваго быта, одинаковыя вѣрованія и обычаи, а также уровень просвѣщенія, при которомъ простая

грамотность, за рѣдкими исключеніями, была только профессіональной принадлежностью духовенства и приказныхъ.

Въ отличіе отъ княжеской дружины, а въ послѣдствіи отъ ближней царской служни, все остальное населеніе носитъ названіе земскихъ людей. Мы видѣли какое значеніе это безсословное земство имѣло въ Московскомъ государствѣ.

Петръ Великій сохранилъ сословную закрѣпощенность русскаго народа,—онъ въ ней нуждался для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей. Онъ даже довелъ тягловую повинность всѣхъ классовъ населенія до послѣдней степени напряженія. Тяжесть служилаго тягла усугубилась вслѣдствіе преобразованія войска въ постоянную армію; къ безсрочной обязательной службѣ прибавилось для дворянъ обязательство учиться. Въ неменьшей степени увеличилась податная тяжесть и другихъ сословій.

Учрежденіемъ табели о рангахъ, Петръ нанесъ смертельный ударъ породѣ, родовому началу въ служиломъ сословіи.

Вводя подушную подать, Петръ преслѣдовалъ исключительно фискальную цѣль. Люди бѣгали отъ тягла, отъ земли, отъ промысла и тѣмъ уклонялись отъ государственныхъ повинностей,—поэтому Петръ облагаетъ податью лицо плательщика и въ 1719 г. распоряжается переписать обязанное подушной податью населеніе. Подушная подать, вопреки намѣренію преобразователя, имѣла громадное вліяніе на обособленность отдѣльныхъ сословій. Благодаря ей, между сословіями податнымъ и неподатнымъ, привилигированнымъ и непривилигированнымъ, благороднымъ и ревизскимъ,—образовалась цѣлая пропасть, которая постоянно расширялась, вслѣдствіе примѣненія къ тѣмъ и другимъ различныхъ нормъ публичнаго и гражданскаго права и установившихся между ними глубокихъ различій бытоваго характера.

Обособленное такимъ образомъ служилое сословіе получаетъ общее наименованіе шляхетства и Петръ стремится придать ему внѣшній образъ западнаго дворянства — въ наружности и одеждѣ, въ занятіяхъ и забавахъ, въ почетныхъ титулахъ и геральдическихъ отличіяхъ; онъ приневоливаетъ его учиться; старается привить ему чувство собственнаго достоинства, воспрещая всякія проявленія подобострастія въ отношеніяхъ къ государю; учитъ его даже чистоплотности.

Вводя во всѣхъ учрежденіяхъ коллегіальное начало для предупрежденія злоупотребленій власти, онъ плѣняется порядками мѣстнаго управленія въ остзейскомъ краѣ и учреждаетъ въ губерніяхъ ландратскія коллегіи, по выбору дворянъ, въ которыхъ представитель правительственной власти долженъ быть „не яко властитель, но яко президентъ“.

Этотъ опытъ предоставленія шляхетству корпоративныхъ преимуществъ и правъ мѣстнаго самоуправленія, оказался неудачнымъ, какъ и нѣкоторыя другія заимствованія у иностранцевъ, для которыхъ у насъ не было исторической почвы. При всемъ томъ, вся совокупность мѣръ, принятыхъ Петромъ для приданія русскому шляхетству внѣшняго сходства съ западноевропейскимъ дворянствомъ,—въ связи съ усиленіемъ крѣпостнаго права и ослабленіемъ тяжести служебной повинности,—вызвало въ дворянахъ, при преемникахъ Петра, сознаніе своего сословнаго превосходства, породило въ нихъ чувство сословной чести.

Выразителями сословной обособленности дворянства явились дворянскіе депутаты въ созванной Екатериной II коммиссіи для составленія уложенія.

Въ согласіи съ ихъ требованіями, совпадавшими съ политическими взглядами самой императрицы, дворяне получили впервые сословную организацію и законодательную санкцію своихъ особыхъ сословныхъ преимуществъ, личныхъ и корпоративныхъ.

При дѣйствіи чиновно-сословныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ реформѣ Екатерины II, преобладающее вліяніе на нашъ государственный, сословный и общественный строй обнаруживали: поземельныя права и отношенія;—табель о рангахъ,—и подушная подать.

Особенность поземельныхъ правъ и отношеній заключалась въ томъ, что одни потомственные дворяне могли владѣть поземельною собственностью внѣ городовъ,—а также въ крѣпостномъ правѣ.

По табели о рангахъ всѣ военнослужащіе офицерскаго чина и чиновники, начиная съ коллежскаго ассесора, были потомственными дворянами. Личное дворянство было лишь временной стадіей до выслуги въ гражданской службѣ чина VIII класса, а жалованная грамата еще облегчаетъ пріобрѣтеніе дворянства

потомственнаго, постановляя, что личное дворянство въ третьемъ поколѣніи обращается въ потомственное.

Подушная подать и крѣпостное право создавали для всего крестьянскаго населенія вполнѣ безправное и зависимое положеніе.

Взаимодѣйствіе этихъ трехъ условій,—въ связи съ необразованностью купцовъ, которые въ огромномъ большинствѣ были податными людьми, выбиравшими гильдейскіе документы,—имѣло своимъ послѣдствіемъ:

1) что права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства принадлежали въ дѣйствительности почти всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ,

и 2) что корпоративныя права дворянства принадлежали въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ землевладѣльцамъ губерніи.

Съ начала настоящаго столѣтія начинается у насъ медленное теченіе естественнаго процесса обращенія сословныхъ привилегій въ общее право.

Въ 1801 г. предоставлено всѣмъ русскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, право пріобрѣтать всякія земли безъ крестьянъ. Въ 1848 г. тоже право предоставляется и крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1861 г., вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, право пріобрѣтенія всякого рода поземельной собственности становится общимъ достояніемъ.

Въ царствованіе Николая I обнаружилось стремленіе къ предупрежденію чрезмѣрнаго размноженія потомственныхъ дворянъ. Личные дворяне получили значеніе городскаго сословія, имъ предоставлено записываться въ пятую часть городовой обывательской книги, а дѣти ихъ становятся почетными гражданами [1]). Въ 1845 г. были впервые повышены чины, дававшіе потомственное дворянство, а въ началѣ послѣдующаго царствованія, въ 1856 г. постановлено, что потомственное дворянство

[1]) Въ послѣднее время возникало, надо думать, предположеніе, вернувшись къ екатерининскому законодательству, вновь слить потомственныхъ и личныхъ дворянъ; — иначе трудно понять происхожденіе закона 3-го Іюня 1894 г.. установившаго обложеніе не только уѣздныхъ, но и городскихъ имуществъ личныхъ дворянъ на сословныя нужды дворянъ потомственныхъ, а также соединеніе дворянъ потомственныхъ и личныхъ въ одинъ избирательный разрядъ по земскому положенію 1890 г.

пріобрѣтается только полученными на государственной службѣ чинами полковника, капитана перваго ранга и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Поднято было значеніе прежняго состава городскихъ обывателей, — они освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній; подушная подать замѣнена налогомъ съ недвижимыхъ имуществъ; новое городовое положеніе привело ихъ въ равноправное общеніе съ дворянами и чиновниками на поприщѣ городскаго самоуправленія; въ средѣ этого класса стали сосредоточиваться крупные капиталы, пріобрѣтенные въ торговлѣ и промышленности обрабатывающей.

Все это вызвало существенное измѣненіе прежнихъ сословныхъ отношеній.

Въ просвѣщенномъ слоѣ русскаго населенія, столь однородномъ при Екатеринѣ, произошло раздвоеніе. Рядомъ съ потомственнымъ дворянствомъ явился довольно многочисленный классъ личныхъ дворянъ, не отличающихся отъ потомственныхъ ни по степени образованія, ни по роду профессіональныхъ занятій.

Хотя просвѣщеніе коснулось купечества и въ недостаточной еще степени, но и въ этой средѣ уже существуетъ не мало людей образованныхъ и развитыхъ, причемъ число ихъ постоянно увеличивается.

Послѣ того какъ землевладѣніе утратило значеніе дворянской привилегіи, прямымъ послѣдствіемъ безсословнаго владѣнія должна была явиться и сословная равноправность земскаго представительства въ мѣстномъ управленіи. Этому условію вполнѣ удовлетворяло положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.

При такомъ коренномъ измѣненіи сословныхъ и общественныхъ отношеній насъ приглашаютъ теперь вернуться къ сословнымъ порядкамъ екатерининскаго времени. Да развѣ это возможно?

Жизнь государствъ, подобно органической жизни, состоитъ въ развитіи и разложеніи,—въ развитіи жизнеспособныхъ элементовъ и въ разложеніи всего отжившаго. Останавливая развитіе и насильственно задерживая естественные процессы разложенія, можно только повредить здоровому росту государственнаго организма, вызвать въ немъ болѣзненныя явленія.

Сословныхъ привилегій въ сферѣ поземельныхъ отношеній у насъ болѣе не существуетъ съ 1861 г. Это не мѣшаетъ однако тому, что потомственные дворяне, естественнымъ образомъ, удерживаютъ первое мѣсто въ средѣ мѣстнаго землевладѣнія и являются самыми крупными пріобрѣтателями поземельной собственности. Мы видѣли, съ другой стороны, что всѣ мѣры, предлагаемыя для искусственнаго удержанія наибольшаго количества земель во владѣніи потомственныхъ дворянъ — кредитныя льготы, заповѣдныя имѣнія неотчуждаемость усадьбъ, облегченія для выкупа родовыхъ имѣній, — имѣли бы своимъ практическимъ послѣдствіемъ обезцѣненіе дворянскихъ имѣній и сокращеніе кредитоспособности потомственныхъ дворянъ сравнительно съ лицами другихъ состояній.

Мѣры эти отразились бы также существеннымъ ущербомъ для общей государственной экономіи, вызвавъ оскудѣніе сельскаго хозяйства отъ недостаточнаго прилива капиталовъ, нужныхъ для питанія и развитія этой отрасли промышленности, а также вслѣдствіе удержанія значительной части поземельной собственности въ слабыхъ рукахъ людей, не имѣющихъ ни средствъ, ни знанія, ни энергіи, необходимыхъ для успѣшнаго веденія хозяйства.

Тѣже невыгодныя для государства послѣдствія имѣло-бы и ограниченіе политическихъ правъ личныхъ дворянъ и другихъ городскихъ обывателей въ области мѣстнаго самоуправленія. Эти ограниченія удержали-бы отъ обращенія своихъ сбереженій на пріобрѣтеніе поземельной собственности именно лучшіе элементы городскаго населенія, — людей, стоящихъ на одномъ образовательномъ уровнѣ съ просвѣщенною частью потомственнаго дворянства, а потому болѣе способныхъ сознавать несправедливость своей сословной неравноправности и тяготиться ею.

Предположенія о возвращеніи къ узко-сословнымъ формамъ общественнаго быта связываются съ сохраненіемъ сословной замкнутости крестьянскаго населенія. Эта среда должна служить и главнымъ поприщемъ для проявленія особыхъ политическихъ преимуществъ людей дворянскаго званія, — въ видѣ опеки, вотчинныхъ правъ или иныхъ мѣръ, имѣющихъ установить возможно полную зависимость крестьянъ отъ дворянъ-помѣщиковъ.

Между тѣмъ самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ въ инертную и безправную массу девять десятыхъ населенія Россіи.

Безправіе крестьянъ имѣло свое основаніе въ крѣпостномъ правѣ и подушной подати. Крѣпостное право перестало существовать; отошла въ область преданій и подушная подать, — а для крестьянъ сохранились понынѣ весьма существенныя ограниченія ихъ личной свободы и полноправности. Ограниченія эти и вызываемая ими сословная обособленность, объясняется *приписной крѣпостью крестьянина его сословному обществу.*

Эта приписная сословная крѣпость въ настоящее время обусловливается: отсутствіемъ для бывшихъ податныхъ сословій закона, опредѣляющаго осѣдлость по дѣйствительнымъ признакамъ постояннаго мѣста пребыванія; затрудненіями для выхода изъ сословнаго общества, возможнаго только при согласіи другого общества принять крестьянина въ свою среду; характеромъ общественно-сословной службы, какъ обязательной повинности, и, наконецъ, паспортными правилами. Благодаря этимъ стѣсненіямъ, русскій крестьянинъ, совершеннолѣтній, часто семьянинъ, и не ограниченный въ правахъ состоянія, — не только затрудненъ въ избраніи себѣ рода жизни и занятія по призванію, но даже отлучиться не можетъ безъ согласія домохозяина или земскаго начальника.

Насколько эта сословно-приписная крѣпость, подъ гнетомъ которой находятся и мѣщане, составляетъ серьезное явленіе въ русской народной жизни, можно видѣть изъ того, что крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ принадлежитъ право ссылать своихъ сочленовъ въ Сибирь.

Причиной безправія крестьянъ служитъ также *неопредѣленность ихъ гражданскихъ правъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній*, доходящая до сомнѣній относительно права крестьянина пріобрѣтать имущество въ личную собственность или распоряжаться имъ по завѣщанію. Гражданская неравноправность крестьянъ вызывается впрочемъ нестолько неопредѣленностью самыхъ законодательныхъ опредѣленій, сколько установившимся на крестьянское населеніе взглядамъ, какъ на такой особый міръ, для котораго „законъ не писанъ“ — взглядомъ,

доводящимъ людей извѣстнаго направленія до такого извращенія здравыхъ политическихъ понятій, при которомъ произволъ и опека предпочитаются твердому государственому порядку, на уваженіи къ законамъ основанному.

Рядомъ съ ограниченіями личной свободы и шаткостью юридическаго быта, въ числѣ причинъ, обусловливающихъ сословную приниженность крестьянъ, слѣдуетъ поставить *тѣлесныя наказанія*, угнетающія чувство ихъ собственнаго достоинства и, объясняемое недостаткомъ школъ — народное *невѣжество* [1]).

Сословной обособленностью крестьянъ вызываются *мірскіе сборы* (45 милліоновъ рублей въ 1891 г.) и *сословная повинность по содержанію* низшихъ чиновъ уѣздной полиціи, *сотскихъ и десятскихъ*. Расходы эти, въ дополненіе къ выкупнымъ платежамъ и налогамъ, общимъ для всѣхъ сословій государства — окончательно истощаютъ податныя силы крестьянъ.

Такое соціальное и экономическое положеніе крестьянъ служитъ главною причиной поразительной бѣдности нашей страны, несмотря на обиліе ея естественныхъ богатствъ [2]).

Нормальное и правильное теченіе исторической жизни русскаго народа должно привести къ гражданской и политической равноправности крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ государства,—что не воспрепятствуетъ сохраненію въ сферѣ *гражданскихъ* отношеній крестьянъ такихъ особенностей, которыя возникаютъ изъ права пользованія и распоряженія *надѣльными* землями и принадлежностями крестьянскаго хозяйства.

Вопросъ крестьянскій есть несомнѣнно важнѣйшій вопросъ въ нашей современной государственной жизни. Здѣсь не мѣсто его разбирать подробно и мы его коснулись только въ связи съ другими условіями нашего современнаго общественнаго быта, при которыхъ становится очевидною безпочвенность и искусственность предположеній о предоставленіи дворянамъ особыхъ

---

[1]) Процентъ населенія, находящагося въ школахъ: Соединенные Штаты Сѣверной Америки — 23%, Англія — 16%, Франція — 15%, Австрія — 13%, Японія — 8%, Россія — 3,1%.

[2]) Если раздѣлить народное богатство страны по душамъ населенія, то каждый британецъ получилъ бы — 247 фунт. стерлинговъ, французъ — 224 фунт., нѣмецъ — 140 фунт., а русскій — только 55 фунт.; это наименьшая цифра народнаго богатства въ Европѣ (Мюльгаль).

политическихъ преимуществъ на почвѣ сословной исключительности отдѣльныхъ классовъ населенія.

Очевидно, не въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать дѣйствительныхъ мѣръ для исполненія Высочайшей воли, выраженной въ рескриптѣ 17 Апрѣля 1897 г. объ обезпеченіи помѣстному дворянству способовъ и впредь нести исконно-вѣрную службу престолу и отечеству.

Въ каждой губерніи одни и тѣже люди пользуются особыми политическими правами въ двухъ различныхъ корпоративныхъ сочетаніяхъ, — въ составѣ дворянскаго общества и въ составѣ мѣстнаго земства.

Значеніе каждаго учрежденія опредѣляется размѣрами и свойствомъ его компетенціи, а потому весьма важно сопоставить предметы вѣдомства дворянскихъ обществъ и земства для безпристрастнаго опредѣленія ихъ относительной содержательности.

Въ составѣ своихъ сословныхъ обществъ дворяне вѣдаютъ: а) содержаніе дворянской родословной книги и разсмотрѣніе доказательствъ дворянскаго происхожденія, и б) дѣла опекунскія по малолѣтству или расточительности потомственныхъ дворянъ.

Затѣмъ законъ предоставляетъ дворянскимъ обществамъ принимать на себя извѣстные подряды и поставки, а право самообложенія вызвало въ нѣкоторыхъ губерніяхъ употребленіе дворянскихъ складокъ на нужды образованія и благотворительности.

Дворянскія собранія могутъ представлять о *своихъ* пользахъ и нуждахъ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и Императорскому Величеству.

Дворянскія собранія избираютъ должностныхъ лицъ для веденія своихъ сословныхъ дѣлъ и значеніе этого выборнаго права опредѣляется указанной выше компетенціей дворянскихъ обществъ. Въ томъ числѣ они избираютъ уѣзднаго предводителя дворянства, важное значеніе котораго опредѣляется руководящей ролью, предоставленной ему въ мѣстномъ управленіи, внѣ сферы сословныхъ дворянскихъ дѣлъ.

Этимъ исчерпывается объемъ сохранившихся отъ прежняго времени корпоративныхъ правъ дворянъ, за которыми, съ другой стороны, — положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ зем-

скихъ учрежденіяхъ 12 Іюня 1890 г. обезпечило господствующее положеніе въ дѣятельности земства, а дѣятельность эта объемлетъ всѣ важнѣйшіе отрасли мѣстнаго управленія, за исключеніемъ полиціи и фиска [1]).

Таково относительное значеніе предметовъ веденія земства и сословно-корпоративныхъ дворянскихъ учрежденій, и нельзя удивляться тому, что помѣстное дворянство видитъ въ настоящее время свое главное призваніе въ земской дѣятельности [2]).

Намъ говорятъ, что это положеніе дѣлъ надо измѣнить, что слѣдуетъ вернуть *потомственнымъ* дворянамъ принадлежавшія имъ „государственныя полномочія“.

Полномочія эти заключались, какъ извѣстно, въ правѣ потомственныхъ дворянъ избирать изъ своей среды кандидатовъ на судебныя и полицейскія должности въ губерніи и уѣздѣ.

---

[1]) Вотъ подробное перечисленіе этихъ дѣлъ: 1) завѣдываніе мѣстными повинностями, денежными и натуральными; 2) завѣдываніе капиталами и другими имуществами земства; 3) дѣла народнаго продовольствія; 4) устройство и содержаніе путей сообщенія; 5) устройство и содержаніе земской почты; 6) завѣдываніе взаимнымъ страхованіемъ имуществъ; 7) завѣдываніе лечебными и благотворительными заведеніями; попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, неизлечимыхъ больныхъ и умалишенныхъ, а также сирыхъ и увѣчныхъ; 8) охраненіе народнаго здравія и предупрежденіе и пресѣченіе падежей скота, развитіе средствъ врачебной помощи населенію и изысканіе способовъ по обезпеченію мѣстности въ санитарномъ отношеніи; 9) пожарная часть и попеченіе о лучшемъ устроеніи селеній; 10) народное образованіе; 11) воспособленіе земледѣлію, торговлѣ и промышленности; 12) удовлетвореніе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленія; 13) дѣла, возложенныя на земство особыми законоположеніями и уставами.

[2]) Вотъ что сообщаетъ по этому предмету одинъ предводитель дворянства (г. Плансонъ) въ брошюрѣ посвященной изысканію мѣръ для поднятія сословнаго значенія дворянъ. „Большинство (дворянъ) не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ своего сословія и, мало по малу, становится совершенно чуждымъ дворянскимъ интересамъ. Приведу примѣръ. На 20 Февраля нынѣшняго года (1893) были назначены въ уѣздномъ городѣ экстренныя земское и дворянское собранія. По окончаніи земскихъ дѣлъ, предводитель дворянства хотѣлъ приступить къ дворянскимъ, но, хотя въ уѣздѣ 167 дворянъ, владѣющихъ полнымъ цензомъ, однако же оказалось на лицо всего три дворянина, причемъ изъ принимавшихъ участіе въ земскихъ выборахъ четырехъ генераловъ (такъ называютъ въ провинціи дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ), которые и по рожденію и по своему чину потомственные дворяне и которые уже десятки лѣтъ живутъ въ своихъ здѣшнихъ помѣстьяхъ и одинъ оказался причисленнымъ къ мѣстному дворянству, остальные же пролетныя птицы относительно мѣстнаго дворянства; въ земскихъ же дѣлахъ они принимаютъ дѣятельное участіе“...

Существующая судебная организація представляется, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, настолько удовлетворительною, а судебныя учрежденія прежняго устройства оставили по себѣ такую печальную память, что всякія предположенія о переустройствѣ судебной части на выборномъ началѣ, — въ угоду отвлеченному принципу сословности, — слѣдуетъ отнести къ области чистой фантазіи.

Полицейская часть у насъ далека отъ совершенства, но не въ возвращеніи потомственнымъ дворянамъ права избирать полицейскихъ чиновниковъ слѣдуетъ, конечно, искать способовъ для ея усовершенствованія. Здѣсь на первую очередь должно быть поставлено искорененіе послѣднихъ слѣдовъ сословности въ полицейской организаціи замѣною крестьянскихъ сотскихъ и десятскихъ вольнонаемной земской стражей, правильно устроенной и дисциплинированной.

Оставалось бы только передать дѣло мѣстнаго управленія въ исключительное веденіе потомственныхъ дворянъ, отстранивъ отъ него окончательно другіе общественные элементы? Но такъ какъ денежныя средства на мѣстныя нужды получаются отъ всего населенія уѣзда и губерніи при посредствѣ самообложенія, то трудно, казалось бы, однимъ потомственнымъ дворянамъ предоставить облагать сборами всѣ имущества и промыслы въ уѣздѣ, даже безъ совѣщательнаго участія облагаемыхъ. Такой привилегіи не принадлежало дворянамъ и въ вѣкъ Екатерины — являясь единственными поземельными собственниками въ губерніи, они могли облагать только свои имущества.

Вообще, при настоящихъ государственныхъ и общественныхъ порядкахъ нельзя придумать для дворянъ никакой привилегіи, личной или корпоративной, которая не была бы въ дѣйствительности ограниченіемъ правъ лицъ другихъ состояній, причемъ, какъ мы это видѣли выше, сами дворяне отъ этихъ ограниченій ровно ничего не выиграютъ.

Совсѣмъ иныя перспективы открываются для тѣхъ же дворянъ въ составѣ всесословнаго мѣстнаго земства. Уже не говоря о большей содержательности въ настоящее время предметовъ вѣдѣнія мѣстнаго управленія, сравнительно съ сословно-корпоративными дворянскими учрежденіями,—область мѣстнаго управленія представляетъ широкое поле для дальнѣйшаго раз-

витія и усиленія политическаго значенія помѣстнаго дворянства въ составѣ земскихъ учрежденій.

Во всякомъ случаѣ въ этомъ направленіи, а не въ развалинахъ видимо разрушающагося прежняго сословнаго строя, слѣдуетъ искать путей, на которыхъ — при измѣнившихся общественныхъ отношеніяхъ — помѣстному дворянству могутъ быть предоставлены болѣе широкіе способы полезнаго служенія государству.

Здоровый ростъ русскаго государства требуетъ не возвращенія на путь сословныхъ привилегій, а спокойнаго завершенія съ начала столѣтія совершающагося у насъ естественнаго процесса обращенія привилегій въ общее право.